

ЛЮДИ
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ
НАУКИ

А.М.Дубровский

СТЕПАН
БОРИСОВИЧ
ВЕСЕЛОВСКИЙ

А. М. Дубровский

**Степан Борисович Веселовский
Интеллектуальная биография
(1876–1952 гг.)**

Учебное пособие

Брянск-2018

ББК 63.3 (2)

Д-79

Дубровский А. М.

Д-79 Степан Борисович Веселовский. Интеллектуальная биография (1876–1952 гг.). Учебное пособие. – Брянск: «Курсив», 2015 – 104 с.

ISBN 978-5-89592-291-0

Учебное пособие знакомит читателя с творческим путём выдающегося российского историка С.Б. Веселовского, основным содержанием его трудов, отношением историка к его времени.

Для студентов-историков, аспирантов, преподавателей и учёным гуманитарных специальностей.

ББК 63.3 (2)

ISBN 978-5-89592-291-0

© Дубровский А. М., 2018.

© Чемоданов Ю. А., оформление, 2018.

Александр Михайлович Дубровский

ООО «Издательство Курсив»

241036, Брянск, Бежицкая, 14, ком. 147.

Тел. 66-65-53.

Формат 60×84¹/₁₆ Бумага офсетная. Усл. печ. л. 6,5. Тираж 150 экз.

Отпечатано в типографии ИП Худовеу Р.Г.
242700, Брянская область, г. Жуковка, ул. Вербная, 1.

Степан Борисович Веселовский

СОДЕРЖАНИЕ

Небольшое предисловие	5
Формирование историка	6
Первые работы и достижение творческой зрелости (1907-1918)	16
«Сошное письмо»	25
Историк и революция	32
Книга о вотчинном режиме	42
1930-е годы в жизни С.Б. Веселовского	52
«Село и деревня в Северо-Восточной Руси в XIV-XVI вв.»	59
Исследование истории боярских родов	63
С.Б. Веселовский о труде историка	68
Тема Ивана Грозного в трудах С.Б. Веселовского .	79
История землевладения в средневековой Руси	92
Библиография трудов С.Б. Веселовского и материалов о нём	103

НЕБОЛЬШОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди отечественных историков, специалистов по истории средневековой Руси Степан Борисович Веселовский, безусловно, занимает видное и почётное место. Спустя много лет после смерти историка о его трудах говорилось так: «И источниковедческие штудии и конкретно-исторические исследования Веселовского – золотой фонд советской историографии. Влияние исследований Веселовского стало сказываться во всё возрастающей степени со второй половины 1950-х годов. Бóльшая часть огромного научного наследия учёного опубликована после его смерти и не была поэтому доступна для широкого круга историков, однако ряду специалистов исследования Веселовского были известны в рукописи и благодаря этому ещё до публикации влияли на направление научных исследований по социально-экономической истории Руси XIV–XVII вв., и прежде всего на разработку проблем истории феодального землевладения в указанный период, изучение состава класса феодалов, его взаимоотношений с центральной властью, процесса централизации государственного аппарата»¹. Уточняя высказанную высокую оценку творчества учёного, нужно сказать, что труды Веселовского – это золотой фонд не только советской науки, а просто исторической науки нашей Родины. Не связанный обязательством непременно следовать методологическим указаниям классиков марксизма-ленинизма, внутренне свободный и искренне стремящийся к объективности как исследователь Веселовский и до революции и в непростых условиях советского общества делал то, что по отношению к Н.М. Карамзину было названо «подвигом честного человека».

¹ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1985. Т. V. С. 130, 132.

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИКА

Веселовский родился 4 (16) сентября 1876 г. в дворянской семье². Примечательно, что среди его старших родственников были два академика – родной брат отца К.С. Веселовский, экономист и статистик и троюродный брат отца А.Н. Веселовский, историк литературы. Двоюродный брат Степана Борисовича Н.И. Веселовский был археологом и востоковедом. Таким образом, Веселовские уже с XIX в. вошли в состав отечественной интеллигенции, в круг деятелей науки. Путь Веселовского в науку был предопределён генетически.

Отец Веселовского, Борис Степанович, был агрономом. Мать получила прекрасное домашнее образование: хорошо играла на рояле, свободно читала французские и английские журналы и книги. Отец считал необходимым, чтобы дети свободно говорили по-немецки и по-французски.

Некоторое время Веселовский учился в московской гимназии, а завершил своё гимназическое образование в Тамбове. В юношеские годы у будущего учёного определился интерес к области права. В 1896 г. он поступил на юридический факультет Московского университета и окончил курс в 1902 г.

² Даты жизни С.Б. Веселовского приводятся (кроме особо оговорённых спорных случаев) по кн. В.Б. Кобрина и К.А. Аверьянова «С.Б. Веселовский. Жизнь. Деятельность. Личность». М., 1989. (Даты жизни. С. 40-42).

С. Б. Веселовский студент

«Об университете у меня осталось очень мало воспоминаний, а ещё меньше того хороших воспоминаний. Насколько помню, на первом курсе не было ни одного талантливого профессора», – так вспоминал свою учёбу на юридическом факультете Веселовский спустя значительное время, в 1944 г.³

³ Дубровский А.М. С.Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках // Отечественная наука и историческая мысль XVIII – XX веков. Сб. статей и материалов. Брянск, 2004. С. 217.

Историю русского права читал Д.Я. Самоквасов, известный археолог. «Среди студентов он носил название профессора курганного права, потому что он больше рассказывал о своих раскопках и городищах и о курганах, чем о русском праве. Помощником его были приват-доценты – скучнейший [П.Н.] Мрочек-Дроздовский и П. [И.] Числов»⁴. Последний задержался в должности приват-доцента, так как, видимо, не мог написать диссертации. Не желая принимать экзамены, профессора сваливали на Числова эту мало приятную операцию, и, по словам Веселовского, Числов экзаменовал его не только по истории русского права, но и по международному, гражданскому и полицейскому праву

«Энциклопедию права читал Н.А. Зверев, – вспоминал Веселовский. – Первая его лекция была поставлена довольно интересно, он читал её с подъёмом и закончил каким-то стихотворением Гейне. Студенты аплодировали. Я тоже выразил своему соседу одобрение, а он с улыбкой показал мне литографированный курс лекций Зверева и сказал: "Посмотрите, эту лекцию он читает из года в год слово в слово. И на следующих лекциях не будет стихотворений и аплодисментов студентов. Всяк, кому удаётся приобрести литографированный курс, до конца года перестанут посещать лекции Зверева, а во избежание недоразумений с инспектором дадут педелю целковый, чтобы он отмечал посещение лекций". Римское право читал гимнаст, спортсмен, большой любитель танцев русский немец [П.Е.] Соколовский. Его курс отличался крайней элементарностью, но по немецким образцам он очень отчётливо и довольно стройно, не спеша, как бы диктуя, отчеканивал зычным голосом элементарные основы своего предмета. Несколько инте-

⁴ Дубровский А.М. С.Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках. С. 217.

реснее у него были практические занятия, на которых мы читали на латинском языке и переводили памятники римского права, которые Соколовский столь же отчётливо комментировал»⁵. Как ни странно, Веселовский не вспоминал о лекциях ни А.А. Мануйлова, ни И.И. Янжула, ни П.И. Новгородцева – известных специалистов в своих областях, которые в это время преподавали на юридическом факультете. К сожалению, среди воспоминаний и писем Веселовского не сохранилось более или менее значительных сведений о его учёбе в университете на старших курсах.

Известно, что некоторое время он работал под руководством Зверева. В одной из автобиографий Веселовский писал: «Будучи студентом, занимался сначала по истории философии права у проф. Зверева, под руководством которого написал реферат "Очерк политических воззрений Б. Спинозы". Перевел с латинского "Политический трактат Спинозы". Реферат и перевод остались не напечатанными, а единственным плодом занятий в этой области явилась рецензия перевода на русский язык богословско-политического трактата Спинозы М. Лопаткина (Казань, 1906 г.). Рецензия была напечатана в 85 кн. журнала "Вопросы философии и психологии" (1906 г.)»⁶.

От Зверева, который, видимо, не смог по-настоящему заинтересовать научными занятиями студента Веселовского, тот перешёл к Ивану Христофоровичу Озерову, личности не-

⁵ Дубровский А.М. С.Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках. С. 217-218.

⁶ Веселовский С.Б. Автобиография. Домашний архив А.С. Веселовской. Автобиография показывает, что В.Б. Кобрин и К.А. Аверьянов ошиблись, приписав И.Х. Озерову научное руководство Веселовским в пору занятий философией права (См.: Кобрин В.Б., Аверьянов К.А. С.Б. Веселовский. Жизнь. Деятельность. Личность. С. 7).

заурядной, талантливой, со своим взглядом на задачи юридической науки. Он был всего на семь лет старше Веселовского. В ту пору, когда Веселовский учился в университете, Озеров работал в области финансового права, его интересовали проблемы подоходных налогов в Англии и Германии⁷. Думается, что именно научные воззрения Озерова, усвоенные студентом Веселовским, определили и его эволюцию как исследователя и область научной работы на ряд лет вперёд. Озеров считал, что изучение финансового права необходимо поставить на новый путь. «Историческое направление слишком поверхностно коснулось финансовой науки, — писал он. — Авторы больше догматизируют, систематизируют, классифицируют те или другие рецепты на разные случаи финансовой жизни и упускают из виду истинные задачи науки. Поэтому до сих пор не подвергнуты историческому анализу такие капитальные вопросы как изменение методов в обложении отдельных членов системы прямых объективных налогов..., т. е. самих способов определения дохода в каждой группе этой системы. Между тем, это — капитальный вопрос финансовой науки»⁸. Иными словами, такой предмет изучения как налоги нужно рассматривать в развитии, учитывая влияние на их эволюцию экономических, социальных и иных условий. Собственно, Озеров и повёл Веселовского в историю.

«От общей истории философии права перешел на историю революций, в частности, Великой Французской ре-

⁷ См.: Озеров И.Х. Подоходный налог в Англии. Экономические и общественные условия его существования. М., 1898; его же. Главнейшие течения в развитии прямого обложения в Германии в связи с экономическими и общественными условиями. СПб., 1899.

⁸ Озеров И.Х. Главнейшие течения в развитии прямого обложения в Германии. С. 56.

волюции, – писал в автобиографии Веселовский, – в 1903 г. провел более полугода за границей (в Германии и Швейцарии), где собирал материалы в библиотеках и у антикваров по истории финансов и экономики Франции при Старом режиме и во время революции. Эти материалы были обработаны под руководством проф. И.Х. Озерова и доложены в двух рефератах на его семинарских занятиях»⁹.

Следы работы над зарубежными материалами прослеживаются в творчестве Веселовского. Они расширили кругозор будущего историка и дали ему возможность пользоваться методом исторических аналогий. Так, в его первой книге «Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Фёдоровича» при освещении налоговой политики российского правительства проводились параллели с политикой правительств Франции, Англии, Пруссии, а в последней опубликованной при жизни автора книге «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси» освещались правовые порядки в древнем Риме, средневековой Франции, Литовском государстве.

В цитированной выше автобиографии Веселовский писал: «По возвращении из-за границы решил перейти к архивной работе на русские темы. Первоначальной темой была история так называемых косвенных налогов (питейного и таможенного) в Московском государстве, как менее всего изученная область истории русских финансов. Для этой темы стал собирать материалы в б[ывшем] Архиве Министерства Юстиции и Министерства Иностранных дел, а позже, по окончании Юридического факультета, и в Московском отделении Архива Императорского Двора»¹⁰.

⁹ Веселовский С.Б. Автобиография (дом. архив А.С. Веселовской).

¹⁰ Там же.

Таким образом, перейдя в область отечественной истории, Веселовский продолжал ту научную традицию, которую привил ему учитель – исследование финансового права.

Веселовский был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. Сдача обязательных магистерских экзаменов у него затянулась из-за постоянной и интенсивной работы в архивах. «Попытаюсь сначала стать учёным, а если что удастся, то можно попытаться получить университетский патент, – писал он петербургскому историку М.А. Дьяконову, с которым близко сдружился в архиве. – Ничего не поделаешь. Тем более, что при такой комбинации все невыгодные последствия падают только на меня, а не на тех невольных слушателей, которые слушают лепет неподготовленных лекторов»¹¹.

Постоянные архивные занятия – день за днём – способствовали формированию из Веселовского знатока архивных богатств. Нужно иметь в виду, что в первые годы XX столетия система хранения архивных источников была далека от совершенства. «Как трудно работать у нас в архивах!» – иной раз восклицал Веселовский в письмах. Описание некоторых фондов растягивалось на десятилетия, так как архив не всегда обладал достаточными материальными возможностями для произведения такой работы в краткий срок. Многие из хранимого не было описано. «...Вам прекрасно известны условия работы в наших архивах, – писал Веселовский Дьяконову. – Мы не гарантированы от больших сюрпризов. Ведь "нашёл" же Самоквасов в своём архиве "целые архивы" старинных учреждений. Что же нам-то делать, когда нас дальше передней не пускают!»¹².

¹¹ Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками / Сост. Л.Г. Дубинская и А.М. Дубровский. М., 2001. С. 73-74.

¹² Там же. С. 87.

С течением времени Веселовский выработал свой стиль работы с источниками. «Изучая какой-нибудь вопрос, я, прежде всего, стремлюсь найти все документы, относящиеся до него», — писал он Дьяконову 11 ноября 1908 г.¹³ К этому времени у молодого учёного было уже несколько лет постоянного исследовательского труда в архивах. Он уже сложился как знаток архивных богатств, уже мог хорошо ориентироваться в их залежах. Сформировались свои принципы, приёмы, вкусы. Л.В. Черепнин, близко и часто наблюдавший работу Веселовского с источниками в 1920-х гг., вспоминал: «Веселовский не любил делать выписки из документов и копировал их полностью, ибо он считал, что историк никогда заранее не знает, как, для каких целей он использует в дальнейшем источник. Кроме того, он полагал, что источник лучше усваивается, если его не просто прочесть и проконспектировать, а с начала до конца переписать. А бывало, что он переписывал документы по нескольку раз»¹⁴. Видимо, такой стиль складывался в работе Веселовского постепенно, с накоплением опыта, с первых лет трудов в архивах.

Нужно сказать, что в начале творческого пути в архивной работе Веселовского сказывалась одно очень важное обстоятельство. Первым браком (1898 г.) он был женат на Е.Е. Сифферлен, дочери богатого французского химика. Это дало в руки Веселовскому большие средства для копирования найденных им архивных источников. В ту пору при архивах служили переписчицы, которые по заказам историков копировали источники. И Веселовский широко использовал труд переписчиц, что убыстряло его работу и

¹³ Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. С. 87.

¹⁴ Черепнин Л.В. Степан Борисович Веселовский (Творческий путь) // История и генеалогия. С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 40.

оставляло ему время для поисков. Благодаря этим условиям у Веселовского накопилась огромная коллекция таких копий. «Вы видели, сколько собрано у меня документов, – писал он Дьяконову в связи с планами издания найденных им источников Археографической комиссией. – Их хватит, по крайней мере, на десятки томов Археографической комиссии»¹⁵. В последней фразе имелись в виду публикации источников в изданиях Археографической комиссии.

На первых порах Веселовский не всегда встречал у некоторых из московских историков дружеское понимание и поддержку. «Я лишён совершенно самоуверенности, и первое время я искал указаний и критических замечаний, но в огромном большинстве случаев встречал худшее, даже чем враждебное отношение, – полное равнодушие. Понятно поэтому, что мне не раз приходила в голову мысль, что вся моя работа, в сущности, есть чужачество человека, который занимается никому не нужным делом, вместо того, чтобы "делать карьеру" и "добывать хлеб", как это подобает», – признавался Веселовский в письме к Дьяконову от 11 ноября 1908 г.¹⁶

В 1905 г. он нашёл несколько неизвестных учёному миру соборных приговоров, сказал об этом С.А. Белокурову, но натолкнулся на безразличное отношение к своей находке. Когда он рассказал об этом В.О. Ключевскому и ещё сообщил о других открытиях, тот воскликнул: «Почему же Вы их не печатаете?». «Я на это ответил, что никто не хочет их печатать», – вспоминал Веселовский¹⁷.

И позже, в 1916 г., историк с горечью писал о некоторых историках: «Мысль о том, что моё увлечение наукой и

¹⁵ Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. С. 89.

¹⁶ Там же. С. 89.

¹⁷ Там же. С. 88.

все мои труды, на их взгляд, есть чудачество обеспеченного человека, меня не покидает. С.А. Белокуров мне не раз говорил с грубым добродушием, присущим ему: вот чудак! Сидит в архиве, когда мог бы кататься на автомобилях, пить шампанское и путешествовать в тёплых краях»¹⁸.

Нет, Веселовский не был чужд радостям жизни. Однако он воспринимал себя в первую очередь как человека, «который... постоянно горит внутренним жаром научной работы»¹⁹. Так оно и было. Во время творческих пауз он с тоской вспоминал своё состояние в часы работы, «когда мысли рождались одна за другой, связывались в нечто цельное». Порой у него бывали «взрывы (!) недовольства собой и достигнутым»²⁰. В себе он ощущал некую *impetus animi* – силу духа, которая, по его мнению, и была необходимой основой творчества и которой не обладают «очень уравновешенные люди»²¹. Вообще он считал, что для исследователя, создающего нечто, более или менее значительное, характерны две черты – «длительное напряжение воли и непрерывное горение»²².

¹⁸ Веселовский С.Б. Дневники 1915-1923, 1944 г. // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 100. Пройдёт время, и тот же Белокуров в числе других будет просить Веселовского стать во главе инспекции отечественных архивов, чтобы спасти «источники нашей истории», признавая, таким образом, его авторитет и необходимость для науки (Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. С. 440).

¹⁹ Веселовский С.Б. Дневники 1915-1923, 1944 г. // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 102.

²⁰ Там же. С. 102, 103.

²¹ Там же. С. 102.

²² Там же.

ПЕРВЫЕ РАБОТЫ И ДОСТИЖЕНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ЗРЕЛОСТИ (1907 - 1918 гг.)

В 1907 г. Веселовский, наконец, впервые выступил в печати с небольшими работами (брошюрами по объёму), созданными на основе материалов, изученных им в архивах²³. В этом же году начинающий, но уже имеющий определённые заслуги историк был принят в Общество истории и древностей российских (ОИДР), действовавшее при Московском университете. Это было началом признания его как исследователя. Работа в архивах и участие в заседаниях ОИДР позволили Веселовскому в большей или меньшей степени сблизиться с рядом историков не только из Москвы, но и из Петербурга. Кроме упомянутого Дьяконова Веселовский познакомился с такими выдающимися современниками как В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, А.С. Лаптев-Данилевский. Это были представители старшего поколения в научном мире той поры. В круг знакомых вошли и учёные из среднего поколения – А.А. Кизеветтер, М.М. Богословский, С.В. Рождественский. Как к знатоку архивных богатств ему всё больше тянулась молодёжь из столицы и провинции – А.И. Яковлев, С.В. Бахрушин, П.П. Смирнов, А.М. Гневушев. Как вспоминал Бахрушин, «и свои знания, и свои коллекции он одинаково охотно, с искренним удовольствием открывал и друзьям, и случайным знакомым, и молодёжи... Я многим ему обязан в первые годы моей преподавательской работы. С обычной ему благожелательной готовностью руково-

²³ Веселовский С.Б. К вопросу о пересмотре и подтверждении жалованных грамот в 1620-1630-х гг. в Сыскных приказах. М., 1907. 31 с.; его же. Несколько документов Московского Главного архива Министерства иностранных дел. М., 1907. 18 с.

дил он многими моими первыми шагами по архивным лабиринтам, открыл передо мною все богатства своего собрания копий (архивных источников – авт.) и богатейшей своей библиотеки»²⁴. На дружеском ужине после защиты диссертации Яковлев назвал Веселовского в числе своих учителей наряду с Платоновым и Любавским²⁵.

Нередко в работах о Веселовском его представляют читателям как некоего затворника, изолированного от внешнего мира. На самом деле это представление верно только для понимания жизни Веселовского после революции. До этого события Веселовский, живший довольно обеспеченно, время от времени устраивал у себя дома большие вечерние приёмы. Это были собрания историков, давно принятые в учёных кругах Москвы и Петербурга, составлявшие часть профессорской культуры. «Здесь за роскошным столом, возглавляемым неизменно приветливой и скромной супругой хозяина Еленой Евгеньевной, я познакомился со всеми корифеями русской историографии; здесь единственный раз в жизни видел я в обстановке частного дома В.О. Ключевского», – вспоминал Бахрушин о своих посещениях дома Веселовских²⁶. Щедрость и открытость Веселовского проявлялись, в частности, в том, что он, едва познакомившись с человеком, вёл его к себе домой. Петербургский историк А.Е. Пресняков сообщал в одном из писем жене 18 декабря 1908 г.: «С 11 до 3-х, с 6 до 8 в Архиве был. В промежутке обедал у С.Б. Веселовского, молодого учёного, который встретил меня в архиве и после заня-

²⁴ Бахрушин С.В. Из воспоминаний (подгот. А.М. Дубровский) // Проблемы социальной истории Европы от античности до нового времени. Брянск, 1995. С. 151.

²⁵ Веселовский С.Б. Дневники // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 85.

²⁶ Бахрушин С.В. Из воспоминаний. С. 151.

тий повёл к себе. Их двое и пять мальчиков-сыновей. У них я недолго побыл; толковали мы с ним о разных архивных делах и документах. У него богатый материал собран»²⁷.

О широте профессиональных контактов Веселовского говорит и опубликованная переписка Веселовского с историками. Он был открыт для общения со всяким исследователем или даже простым любителем отечественной истории. Другое дело, что и в это время Веселовский нередко чувствовал одиночество, собственную замкнутость из-за боязни непонимания. «Сложность и утончённость чувства и мысли создают непреодолимую преграду и вечное одиночество, – писал он в дневнике. – Нет и, кажется, никогда не будет человека, который понимал бы вполне, не отталкивал бы от себя, то в одном, то в другом»²⁸. Признания в «вечном одиночестве» встречаются в разных частях его дневника. Позже, через некоторое время после революции и чем дальше, тем больше, это ощущение становилось предпосылкой для затворнического образа жизни. Хотя всё-таки важнейшей предпосылкой была не психологическая, а социально-политическая, созданная реформами большевиков.

Вернёмся к научной работе Веселовского. «Около 1906 г. я окончательно перешёл на исследование истории социального письма и прямого обложения», – писал он в автобиографии²⁹. В 1908 г. вышла в свет его книга «Семь сборов за-

²⁷ Пресняков А.Е. Письма и дневники. 1889-1927. СПб., 2005. С. 656.

²⁸ Веселовский С.Б. Дневники // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 84.

²⁹ Веселовский С.Б. Автобиография (дом. архив А.С. Веселовской).

просных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича»³⁰.

Выход первой книги для автора всегда особое событие. Книжка Веселовского была внешне скромной – небольшой по объёму, в мягкой зеленоватой обложке. В самом начале автор выражал «глубокую благодарность дорогому учителю профессору Ивану Христофоровичу Озерову, который всегда с горячим вниманием относился к архивной работе автора и поддерживал его энергию»³¹.

Веселовский оценивал свой труд как «начало принятого автором исследования по истории финансов Московского государства XVII века в связи с историей народного хозяйства»³². Финансовая политика российского правительства в XVII в. была тогда очень мало изученной областью. Наука располагала одним капитальным трудом – монографией А.С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве со времён Смуты до эпохи преобразований» (СПб., 1890). Правительство Михаила Романова, пришедшее к власти в конце гражданской войны в опустошённой стране, испытывало хронический недостаток денежных средств и наряду с обычными налогами прибегало к сбору налогов экстраординарных, что и было показано в работе. Труд Веселовского был построен на вновь найденных источниках (материалы приказного делопроизводства) и существенно дополнял работу Лаппо-Данилевского.

³⁰ Веселовский С.Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Фёдоровича. М., 1908. 234 с.

³¹ Там же. С. 3-4.

³² Там же. С. 3.

В этой первой книге проявились важнейшие черты научного творчества Веселовского, которые были характерны для его работ, по крайней мере, в дореволюционный период его деятельности, а иные прослеживаются и на протяжении всей творческой жизни учёного. Большую часть книги составляли найденные и опубликованные самим автором источники, которые давали возможность читателю проверить сделанные в работе выводы. Позже этот подход повторится, например, в главнейшем труде Веселовского дореволюционной поры – «Сошном письме». Изучение чрезвычайного сбора – запросных денег – Веселовский провёл систематично (рассмотрено значение слова «запрос», прослежен зародыш идеи принудительного долевого займа и налога за год до его применения), въедливо вник в историю каждого из семи запросов пятинных денег, показывая, что, например, первый сбор для отдельных лиц, а может и для слоёв населения был не налогом, а займом. Со временем характер займа исчез, запрос превратился окончательно в обязательный налог. Восстановленная Веселовским история сбора этих денег вела читателя книги в гущу народной жизни (устоявшихся порядков и представлений) и вместе с тем она была окрашена определённым драматизмом: после долгой внутренней борьбы правительство Михаила Романова ещё слабо, оно не вводит налог безоговорочно, а на первых порах просит денег в долг, позже, переходя к борьбе с «воровскими казаками» и одерживая в ней успехи, правительство уже более твёрдо требует исправного сбора, что вызывает столкновения между «лучшими» и «молодшими» людьми, уклонения от платежа и пр. Юридический подход автора книги не превратился в формально-правовое рассмотрение происходившего (чем грешило государственно-юридическое направление в исторической науке), главный ориентир для историка дава-

ли делопроизводственные источники, отражавшие реальность во всей её сложности.

В 1909–1910 гг. в свет вышли три рецензии на книгу³³. Это был успех. Автор слышал и устные отзывы. Как записал Веселовский в дневнике, «В.О. Ключевский в "Семи сборах" отметил "мастерство" в обработке и пользовании первоисточниками»³⁴. Отзыв главного светила исторической науки был высшей похвалой. За Веселовским закреплялась известность талантливого и трудолюбивого исследователя и археографа.

В декабре 1908 г. Веселовский получил приглашение работать над публикацией источников в Археографической комиссии. Видимо, это был результат разговора Ключевского с главой комиссии Платоновым. Тот обещал, что в 1909 г. бюджет комиссии будет в распоряжении Веселовского. Во время этого разговора Веселовский предложил Платонову издавать приходо-расходные книги московских приказов. Именно над этими источниками и началась работа. Она положила начало большой публикаторской деятельности Веселовского, которая стала важным направлением его труда как историка до конца жизни.

При работе над проблемами финансовой истории Московского государства XVI в. Веселовский предложил новаторский способ презентации результатов научного исследования. С его точки зрения, для коллег-историков нужно донести не только итоги изучения, но и весь процесс получения новых фактов, их осмысления и обобщения. Коллективный характер научной работы, на котором на-

³³ См.: Тихонов В.В. Московская историческая школа в первой половине XX века. Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. М.; СПб., 2012. С. 123.

³⁴ Веселовский С.Б. Дневники // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 108.

стаивал историк, приводит и к необходимости делать работу каждого историка «прозрачной» для коллег. «В исторических работах важны не только окончательные выводы исследователя, но и весь процесс работы»³⁵, – утверждал ученый. По мысли автора, если каждый профессиональный историк сделает понятным и прозрачным ход своих рассуждений, то другие специалисты будут испытывать к его трудам большее доверие и активнее использовать их в своих работах. «При исследовании особо сложных вопросов целесообразно... дать в распоряжение историка всю лабораторию, чтобы он мог не только проверить выводы исследователя, но и воспользоваться его материалами и сделать... более важные выводы»³⁶. По мысли Веселовского, ясность хода исследования помогает более продуманной и аргументированной критике, что также способствует поступательному развитию исторического знания.

Действенным способом создания прозрачности научного исследования, с точки зрения историка, являются, во-первых, точный и удобный аппарат ссылок и, во-вторых, публикация использованных архивных источников. Введение в научный оборот ранее не известных документов налагало дополнительную «трудовую повинность» на ученых, но только так, по мнению Веселовского, можно было показать всю «кухню» исследования. Отдельная публикация источников способствовала и тому, что текст самой работы освобождался от пространных цитат источников, затрудняющих усвоение материала. Самым простым способом публикации источников является их издание в качестве приложения к

³⁵ Веселовский С.Б. Предисловие // Акты писцового дела: Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. М., 1913. Т. I. С. IV.

³⁶ Там же. С. V.

исследовательской работе. «Исследование устареет и утратит под ударами критики часть своей первоначальной репутации, но исправно изданные источники будут для науки прочным приобретением», – считал ученый³⁷.

Эта черта в учёном – вкус к изданию источников, стремление показать читателю документальную основу выводов историка – оказалась важной чертой стиля исследовательской работы Веселовского. В дальнейшем в своих трудах он приводил большие выдержки из источников, делал приложение к исследованию в виде сборника источников.

Со временем коллеги заметили эту черту в работах Веселовского. Отношение к ней было разным. Б.Д. Греков одобрил её: «Читатель получает возможность самостоятельной ориентировки, и выводы автора кажутся совершенно неизбежными и убедительными»³⁸. М.М. Богословский критически отозвался об этой же черте, находя, что историк неумеренно пользуется архивным материалом, излишне увлекается делопроизводством московских приказов, слишком мелочен³⁹.

В 1915 г. по поручению Академии наук Веселовский написал отзыв о труде В.К. Клейна «Угличское следственное дело о смерти царевича Димитрия 15-го мая 1591 г.»⁴⁰, за что по-

³⁷ Веселовский С.Б. Предисловие. С. VI.

³⁸ Греков Б.Д. Рец.: Веселовский С.Б. Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. 1915–1916. Т. 1-2. // Русская мысль. 1917. Кн. 1. С. 5.

³⁹ См.: Богословский М.М. Рец.: Веселовский С.Б. Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. 1915–1916. Т. 1-2. // Исторические известия. 1916. № 2. С. 68-85.

⁴⁰ Веселовский С.Б. Отзыв о труде В.К. Клейна «Угличское следственное дело о смерти царевича Димитрия 15-го мая 1591 г.»

лучил рецензентскую большую золотую медаль. Авторитет учёного в исторической науке всё больше утверждался. Однако главным было завершение давно начатого большого труда по истории финансов и получение учёной степени.

Если не считать переизданий, которые быстро следовали за той или иной публикацией Веселовского, то нужно сказать, что с 1909 по 1918 г. он выпустил в свет три с половиной десятка трудов. Они делятся на три почти равные части. Это рецензии, большинство которых вышло в 1917 г., издания источников и исследования. Наиболее важные издания источников были непосредственно связаны с изучением истории финансов Московского государства – «Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг.», «Приходо-расходные книги московских приказов» (кн.1-2), «Акты писцового дела: Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве» (т.1-2). Значительные материалы были изданы Веселовским в связи с большим общественным вниманием к истории Смуты и 300-летием дома Романовых – «Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611-1613 гг.», «Арзамасские поместные акты (1578-1618 гг.)»⁴¹. Каждый из томов это книга в сотни страниц. За каждым из них – огромная поисковая и редакторская работа. Веселовскому достаточно было бы только этих публикаций, чтобы прочно вписать своё имя в историю отечественной науки.

// Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 156-189.

⁴¹ См.: Хронологический указатель трудов // Кобрин В.Б., Аверьянов К.А. С.Б. Веселовский. Жизнь. Деятельность. Личность. С. 44-47.

«СОШНОЕ ПИСЬМО»

Между тем вся эта работа так или иначе двигала его основной труд, который он предполагал защитить в качестве диссертации. Это было знаменитое «Сошное письмо». Эта монография вышла в двух томах в 1915 и 1916 гг. и завершила собою цикл трудов Веселовского по истории налогов и налоговой политике российского правительства в XVII в. Труд по своему объёму был огромным. Веселовский шутил, что его прочли полностью только два человека – он, автор, и типографский наборщик. Хотя в первое время она и вызвала критические замечания М.М. Богословского (а он после смерти Ключевского считался одним из ведущих московских историков), но с течением времени значение этого выдающегося труда заслуживало всё большее и большее признание.

В предисловии к книге Веселовский писал о себе как продолжателе дела таких историков как В.И. Сергеевич, А.С. Лаппо-Данилевский, П.Н. Милюков, И.Н. Миклашевский, М.А. Дьяконов, Н.А. Рожков, Ю.В. Готье. Это были не только знатоки финансов древней Руси, но и исследователи экономической истории страны. Непосредственно примыкала к труду Веселовского монография Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве со времён Смуты до эпохи преобразований» (СПб., 1890).

В отличие от широкого подхода Лаппо-Данилевского, который осветил происхождение и развитие прямого обложения до XVII в. и его судьбу в XVII в., Веселовский выбрал предметом своего исследования период развития сошного письма с конца XVI в. по 30–40-е гг. XVII в. Нижняя

хронологическая грань определялась кризисом сошного обложения, а верхняя – тем фактом, что после этого кризиса сошное письмо застыло в своей эволюции и постепенно было заменено подворным обложением⁴².

Во взимании налогов с тяглого населения Московского государства главную роль играло описание земель – «сошное письмо». Проблема заключалась в том, что в исторической науке к началу XX в. не сложилось единого мнения о сущности сохи как налоговой единицы и сошного письма. Обложение налогом происходило в результате переписи населения – составления писцовых книг. Современные Веселовскому историки уже отмечали «крупные недочёты» писцовых описаний. Веселовский полагал, что писцовые книги как недостаточный источник для уразумения системы налогообложения, необходимо дополнить другими источниками. Поэтому Веселовский основал свой труд на широком фундаменте новых материалов (документах московских приказов), многие из которых он впервые обнаружил в архивах.

Веселовский показал характер работы составителей писцовых книг, их состав и приёмы работы. Не случайно как приложение к «Сошному письму» он опубликовал два тома «Актов писцового дела». Веселовский исследовал развитие окладных единиц, выяснил то, что формы обложения были разнообразны. Он показал эволюцию сохи как единицы обложения, виды налогов, изменения в размерах налогов, порядок обложения и распределения податей. Юридическое образование Веселовского, а также традиции, имевшиеся в исторической науке (приёмы государственно-юридической школы), таили опасность формально-юридического подхода к теме. При таком подходе истори-

⁴² Веселовский С.Б. Сошное письмо. М., 1915. Т. I. С. VII.

ки и юристы отождествляли положения закона и реальную жизнь. Между тем норма права и реальность расходились друг с другом, жизнь была сложнее, разнообразнее юридических норм, закреплённых в законе отношений и порядков. Однако глубокое знакомство Веселовского с делопроизводственными источниками, способность вжиться в давно исчезнувшую действительность уберегли от такого недостаточного осмысления изучаемых явлений.

В отличие от Ю.В. Готье и Н.А. Рожкова, в целом признававших достоверность писцовых книг, Веселовский доказывал, что соха определялась не количеством земли, а «посильностью», т.е. возможностью платить налоги; а посильность – понятие субъективное. «По человеку глядя» – вот типичное выражение писца при определении налога. Этот вывод вёл к признанию условности данных писцовых книг. Как полагал Веселовский, в сошном письме переписчики в большинстве случаев ориентировались на «мирские расклады», т.е. норму податей, установленную самим «миром» – общиной, в которой жил налогоплательщик. Государство предпочитало назначать подати не с отдельных людей, а с общины-мира. Круговая порука (коллективная ответственность общинников) гарантировала налоговые поступления. Таким образом, новаторской идеей Веселовского была мысль о том, что сошный оклад был «надстройкой» над мирским окладом.

Концепция книги заключалась в том, что сошное письмо и порядки сошного тягла сложились постепенно в результате «совместной работы тяглых миров (общин – авт.), с одной стороны, и правительства с его приказными –

с другой»⁴³. Упадок сложившегося порядка был вызван разрывом между государством и управляемым им обществом. Из-за тягостного налогового гнёта внутри общин-«миров» началась борьба, она шла и между «мирами». Эта борьба приносила ущерб казне. В конце концов, посошное обложение населения пришлось отменить и перейти к подворному, а затем и к подушному окладу⁴⁴.

Что привело к упадку сошного письма? Причины этому виделись автору в росте государственного аппарата, нужды которого сталкивались с интересами населения⁴⁵. «Правительство с течением времени всё более и более склонялось к тому, чтобы понимать посильное в смысле наивыгоднейшего для казны, но не разорительного для тяглецов тягла, а с другой стороны - развитием прямого обложения было вынуждаемо к внесению в окладное дело большего однообразия и объективных оснований»⁴⁶. Договорные основания сошного письма противоречили государственному стремлению к унификации всех сторон жизни. Важной причиной упадка сошного письма стало развитие служилого землевладения. Частный землевладелец был заинтересован в получении максимального дохода с земли, а этому противоречил принцип посильности обложения. Таким образом, сошное письмо разрушалось с двух сторон: «Казна развивает общегосударственное обложение, сглаживая постепенно местные особенности тягла, и стремится приводить на

⁴³ Веселовский С.Б. Ответ проф. М.М. Богословскому // Исторические известия. 1916. № 3-4, С. 160.

⁴⁴ Веселовский С.Б. Сошное письмо. М., 1916. Т. 2. С. 525-526, 554-555.

⁴⁵ Там же. С. 526.

⁴⁶ Там же С. 528.

место невыгодных ей государственных отношений принудительность обложения, а землевладельцы разрушают старину с точки зрения своих интересов и, развивая личное закрепощение крестьян, стремятся заменить договорные отношения хозяйственной зависимостью»⁴⁷.

«Если соединить все отзывы, письменные и устные, о I т. С.[ошного] п.[исьма], то приходится думать, что я написал действительно исключительное произведение. Богословскому не нравится план, но язык он находит прекрасным, ясным, чистым и выразительным, – вспоминал Веселовский оценки своего труда. – Плато[но]в сказал относительно языка: у нас в П[етрогра]де не умеют писать; язык точный, ясный и чистый. Бахрушин, кроме языка, отметил законченность манеры изложения вообще. План, расположение материала и изложение очень понравились Заозерскому. Кизеветтер находит, что у меня удивительно прослежен и мастерски разработан вопрос о влиянии частного землевладения на сошное письмо и порядки обложения»⁴⁸.

В русле основных идей Веселовского шла исследовательская работа А.И. Яковлева, который буквально вслед за вышедшим трудом старшего коллеги выпустил в свет книгу «Приказ сбора ратных людей»⁴⁹. Предварительно Яковлев опубликовал собрание источников по теме своего исследования, чтобы другие историки могли проверить его выводы⁵⁰. В этом было явное влияние Веселовского.

⁴⁷ Веселовский С.Б. Сошное письмо. М., 1916. Т. 2. С. 548.

⁴⁸ Веселовский С.Б. Дневники // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 108.

⁴⁹ Яковлев А.И. Приказ сбора ратных людей. М., 1917.

⁵⁰ Яковлев А.И. Счётное дело Приказа сбора ратных людей. М., 1916.

Даже спустя много лет после выхода труда Веселовского Л.В. Черепнин назвал труд Веселовского «настоящей энциклопедией сведений по истории земледелия и крестьянства финансов и фискальной политики, аграрных отношений и структуры посадов»⁵¹. А В.Б. Кобрин и К.А. Аверьянов подчеркнули, что «научное значение "Сошного письма" сохраняется в полной мере и сегодня»⁵².

Л.В. Черепнин сделал одно меткое замечание по поводу работы Веселовского о сошном письме: «Веселовский ... стремился прежде всего обогатить науку новыми первоисточниками и наглядно показать, какую работу он производит над ними. А синтетические итоги исследования и самый ход авторской мысли не всегда выступали в его трудах в должной мере отчётливо, скрываясь иногда

⁵¹ Черепнин Л.В. Степан Борисович Веселовский (Творческий путь) // История и генеалогия. С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 12. Почти одновременно с Черепниным Л.В. Милов глубоко проанализировал концепцию С.Б. Веселовского и внёс в неё серьёзные коррективы (См.: Милов Л.В. Методологические проблемы источниковедения писцовых книг (о концепции С.Б. Веселовского // История СССР. 1978. № 2. С. 127-142; см. также: Милов Л.В. По следам ушедших эпох. Статьи и заметки. М., 2006. С. 176-196). В.Б. Кобрин и К.А. Аверьянов назвали Милова «одним из самых строгих критиков» концепции Веселовского и вместе с тем обратили внимание на то, что Милов, тем не менее, признал, что вопрос о достоверности писцовых книг Веселовский поставил серьёзно и игнорировать его невозможно» (Кобрин В.Б., Аверьянов К.А. С.Б. Веселовский. Жизнь. Деятельность. Личность. С. 14).

⁵² Кобрин В.Б., Аверьянов К.А. С.Б. Веселовский. Жизнь. Деятельность. Личность. С. 14.

за обилием архивного материала, заново вводимого в оборот»⁵³.

В 1917 г. книга о сошном письме была удостоена от Академии наук премии графа Уварова. Актом признания заслуг Веселовского было присвоение ему степени доктора истории русского права *honoris causa* – без защиты диссертации, по совокупности трудов. История присуждения этой степени была непростой и полной конфликтов. Идея предоставить докторскую степень Веселовскому возникла у профессора государственного права юридического факультета Московского университета А.Н. Филиппова, который видел в Веселовском своего преемника⁵⁴. В октябре 1916 г. юридический факультет принял единогласное решение о ее присуждении. Это вызвало недовольство влиятельного члена Ученого совета Московского университета М.М. Богословского, который скептически относился к научному творчеству Веселовского и был возмущён тем, что учёный мог получить высшее научное звание, минуя обязательные ступени в виде магистерских экзаменов и защит двух (в лучшем случае одной) диссертаций⁵⁵. Богословский открыто объявил, что будет всячески этому противодействовать. Несмотря на это, в мае 1917 г., фактически в новой стране, Ученый совет университета утвердил присуждение степени.

⁵³ Черепнин Л.В. Степан Борисович Веселовский (Творческий путь). С. 14.

⁵⁴ Савин А.Н. Университетские дела: Дневник 1908–1917 гг. / Публ., вступ. ст. А.В. Шаровой. М., 2015. С. 423–424.

⁵⁵ Богословский М.М. Дневники 1913–1919. М., 2011. С. 240.

ИСТОРИК И РЕВОЛЮЦИЯ

Карьерные тревобления не отодвинули на задний план научную работу историка. Выход в свет второго тома «Приходо-расходных книг московских приказов» в 1918 г. был своего рода завершением первого периода творческой деятельности Веселовского. После нескольких лет молчания в 1921 г. вышла его небольшая статья на неожиданную тему «О медоносности в нашей местности», а следующая уже собственно историческая работа была опубликована только в 1926 г. Что же было в эти годы?

Во время Первой мировой войны Веселовский с энтузиазмом окупился в общественную деятельность. Как и многие представители российской интеллигенции, он работал в Земском союзе и Всероссийском союзе городов – общественных организациях, созданных для содействия правительству в решении тыловых проблем. В 1916 и 1917 гг. Веселовский был уполномоченным от этих организаций в отделе по устройству беженцев и работал по созданию их архивов и музея.

27 февраля 1917 г. он записал в дневнике: «Из Петербурга тревожные и не вполне ясные слухи. Правительство свергнуто, и министры арестованы. Солдаты и рабочие захватили арсенал, склады и целый ряд правительственных учреждений. Словом, достукались, а что из этого выйдет, невозможно предвидеть»⁵⁶. Ему представлялся конец России. Через год, 27 февраля 1918 г., Веселовский писал: «Я, при всей своей привычке и любви к труду, – не могу работать. Сажусь за свои научные темы, и неотвязно преследует мысль: это никому не

⁵⁶ Веселовский С.Б. Дневники 1915-1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 85-86.

нужно, бессмысленно, что, быть может, через неделю или через месяц я буду стёрт с лица земли голодом или грабителем, что та же участь ждёт мою семью и т. д.»⁵⁷.

В феврале 1918 г. Веселовский был принят в Московский университет на должность профессора. «В факультете я прошёл единогласно», – писал он в дневнике о голосовании профессоров, что являлось как бы дополнительным актом признания его заслуг московскими учёными. Даже Богословский, который ранее выступил с критической рецензией на «Сошное письмо», был за принятие Веселовского⁵⁸. Впрочем, университетские дела не принесли удовлетворения. Инициированная большевиками реформа университетского образования привела к радикальной перестройке Московского университета. Веселовский оставил воспоминания о событиях 1919–1920 гг., когда происходила борьба группы реформаторов во главе с М.Н. Покровским, со «старой» профессурой. Он с горечью писал: «По моим впечатлениям растерянность и инертность профессуры были не меньше, чем невежество и вандализм реформаторов, в руках которых оказались судьбы наших университетов»⁵⁹.

Историк начал также работать в Центрархиве, в Институте истории Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). В последнем учреждении были собраны так называемые «старые специалисты» – историки, которые создали себе имя в науке до революции. Здесь они должны были сотрудничать с историками-большевиками и осваивать но-

⁵⁷ Веселовский С.Б. Дневники 1915-1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 105.

⁵⁸ Там же. № 6. С. 93.

⁵⁹ Веселовский С.Б. Разгром Московского университета в 1919–1920 годах // С.Б. Веселовский. Семейная хроника: Три поколения русской жизни. М., 2010. С. 249.

вые (марксистские) идеи. По сути же в Институте сложилось противостояние двух групп исследователей – «старых» и «новых» специалистов, так как «старые», в том числе и Веселовский, вовсе не собирались осваивать марксизм, а стремились сохранить лучшие традиции дореволюционной науки и передать их молодому поколению историков.

В это время вести, которые доносились до Веселовского с разных концов страны, внушали ему страх за судьбу культуры. В начале марта 1918 г. он размышлял: «Творцы и люди вообще высшей культуры должны думать о создании своего интернационала! Как ни велико и многообразно национальное различие между представителями разных народов, как ни несомненны различия и противоречия классовых интересов, они прямо ничтожны в сравнении с бездной, которая отделяет меня от дикаря – от крестьянина, который режет дорогой племенной скот на мясо, портит сложные и дорогие машины для того, чтобы утащить несколько нужных ему гаек или кусков меди, делит по душам или просто сжигает библиотеки книг, которые он никогда не прочтёт и не поймёт; от солдата, который разбивает винный склад и гибнет от опоя, от хулигана-горожанина, который портит и расхищает всякое не принадлежащее ему имущество, как казённое или городское, так и частное»⁶⁰.

А когда из ректората Московского университета ему пришло уведомление об избрании профессором, возник пессимистический вопрос: «Придётся ли мне быть им и что мне это даст?»⁶¹. Историк находился в творческой паузе. Недавно был завершён один из главнейших трудов его жизни. Он чувствовал физическое утомление, но не удовлетворение; духовное состояние было угнетённым. Окру-

⁶⁰ Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 95.

⁶¹ Там же. С. 96.

жающая обстановка не вселяла оптимизма: «Самое пылкое воображение не могло представить себе такого колоссального расхищения государственного и частного достояния, которое сейчас происходит. Краса и гордость революции, матросы, спешно разворовывают и распродают казённое имущество и бегут. Остаются одуроченные рабочие без хлеба, без заработка, под угрозой прихода немцев»⁶².

Летом 1918 г. Веселовский с семьёй переселился в Татариновку – имение в Подмосковье, купленное на деньги его тестя. Там было легче переносить голодную пору. «По целым дням работаю с (сыновьями – А.Д.) Севой и Борей на огороде. Пять дней мы сидели без хлеба, питаюсь суррогатами – каждый получал по лепёшке в день. Все мысли мои и других взрослых членов семьи направлены на добывание пищи, огород и сад. Я весь поглощён планами, сколько, чего и когда посадить и посеять. К вечеру настолько устаю, что не могу читать ничего, кроме пустяков»⁶³. В этих работах прошло всё лето 1918 и последующих лет. Зимой он выезжал с семьёй в Татариновку заготавливать дрова, на кофейных мельницах мололи муку из пшеницы и ржи. Позже из-за разрухи в городе пришлось и зимы проводить в Татариновке и, как говорил Веселовский, жить «на земле».

Москва и москвичи производили на Веселовского тягостное впечатление: «Все ходят и держат себя, как приговорённые к медленной, но неминуемой смерти. Некоторые поддерживают ещё с трудом свой туалет, но другие уже не скрывают своей нужды и полного упадка духа. Очень тяжело приходится Любавскому. Он сам приготовляет себе пищу, вероятно, сам стирает себе бельё и т.д.; ходит нестри-

⁶² Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 104–105.

⁶³ Там же. С. 102–103.

женный и непричёсанный. У нас в доме не топят пятый день.... По вечерам улицы почти совершенно не освещены...»⁶⁴. Летом 1919 г. – снова Татариновка, пчельник и огород. «Жизнь становится совершенно невыносимой: каждую неделю один за другим истощаются и исчезают предметы обычного потребления. И не видно дна этой пропасти»⁶⁵.

Любопытная деталь: не называя имён участников важного дела, Веселовский писал в дневнике о кружке научного исследования социализма. «Сегодня было 4-е собеседование», – писал он 13 апреля 1919 г.⁶⁶ Видимо, это был профессорский кружок, в котором Веселовский играл видную роль. О целях этого кружка он писал: «Мне кажется, что то, что мы пережили и переживаем, вполне даёт нам, русским учёным, право на основание пересмотреть многие вопросы с[оциализ]ма, несмотря на то, что на Западе по социализму существует огромная литература pro и contra. Во-первых, выяснилось, что на нас лежит несомненно долг ознакомить рус[ское] общество в широких слоях с с[оциализ]мом и его положением в литературе и в жизни других народов. Во-вторых, пережитое обогащает наблюдениями и даёт нам возможность сказать нечто существенное в дополнение к огромной литературе других народов. Дело в том, что б[ольшевистс]кая программа проводится кустарно, часто очень нелепо, к большевикам примазалось много грязных элементов, компрометирующих их дело, но всё-таки в их революции очень много того, что неизбежно при существовании всякого с[оциализ]ма. Отчётливо разделить эти элементы – интересная задача для исследовате-

⁶⁴ Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 8. С. 87.

⁶⁵ Там же. С. 99.

⁶⁶ Там же. С. 101.

ля. Второй вопрос – тот, который я раньше поставил в своём дневнике: почему к революции, в частности к б[ольшевикам], примкнуло так много грязных и преступных элементов, что придало всему движению характер бандитизма и разгула низменных и преступных страстей. Есть ли это нелепая случайность, вытекающая из русских условий, или естественное явление, с которым должен будет впредь считаться всякий честный революционер»⁶⁷.

С.Б. Веселовский в квартире на Арбате в годы революции.

В это время именно в связи со стремлением разобраться в происходящем Веселовский читал литературу на разных языках о социализме и революциях. В дневнике видны записи об этом: «За последнее время я много читаю

⁶⁷ Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 8. С. 101.

по истории революций и социализма и обдумываю исследование по этим вопросам» (6 февраля 1919 г.), «По вечерам много читаю, преимущественно по истории социализма и рабочего движения. Делаю выписки. Просматриваю также некоторые произведения большевиков, преимущественно стенографические отчёты о съездах» (10 апреля 1919 г.)

Наблюдая действительность советской России, Веселовский настаивал на определении, которое дал вскоре после октября 1917 г.: «Не только большевизм и режим большевиков, но и вся революция есть процесс глубочайшего морального разложения. Беспросветно тёмное время, когда зависть, злоба ко всему и ко всем, недоверие, распущенность, неуважение ко всему, что выше в каком бы то ни было отношении, чудовищный эгоизм и трусливое оберегание и спасение во что бы то ни стало своей шкуры составляют атмосферу общественной и политической жизни. В большевизме есть несомненные элементы сатанинского озлобления против всего и всех. Оно ярко сказывается в безоглядном разрушении, в страсти делать зло для зла. Идеологи большевизма, конечно, этого не говорят, а многим из них, быть может, это совершенно чуждо, но я имею в виду ту массу, ту народную толщу большевиков, которая не считается с идеологами, а проводит свои взгляды и свои совершенно звериные инстинкты»⁶⁸. Эти воззрения Веселовский пронёс через всю дальнейшую жизнь.

Отвлекаясь от действительности, он старался занять себя какой-либо умственной деятельностью – «за переводом Цезаря старался успокоиться», «в свободное от необходимых занятий время я убиваю время на то, в чём не вижу цели, и делаю это без всякого увлечения, равнодушно. Читаю по истории, географии, социологии и т.п., читаю Цеза-

⁶⁸ Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 9. С. 115.

ря, Саллюстия, Т. Ливия, Сенеку без системы и цели. Перевожу комментарий к Галльской войне Цезаря»⁶⁹.

7 марта 1920 г. он начал читать лекции крестьянам о пчеловодстве. «Вот, что приходится делать учёным, профессорам университета в сов[етской] России», – писал он в дневнике⁷⁰.

С течением времени приходилось всё более смиряться с мыслью о том, что власть большевиков установилась надолго. Главное – сохранялись какие-то условия для научной работы. В этом смысле Институт истории РАНИОН если и нельзя было назвать островком благополучия, то, во всяком случае, он играл роль некоего духовного пристанища для «старых специалистов». Ещё к 1918 г. у Веселовского развился интерес к новой теме – русскому «феодализму», о чём он писал Яковлеву, взяв слово «феодализм» в кавычки, как бы указывая на спорность термина применительно к российской истории. В 1922–23 гг. он сделал два доклада в Институте истории РАНИОН – о происхождении крепостного права и праве вотчинного суда⁷¹. Научно-исследовательские интересы Веселовского повели его от XVII в. в глубь прошлого. С 1925 г. он стал систематически заниматься актами Троице-Сергиева монастыря⁷².

К этому времени первый брак Веселовского распался, и он женился на Ольге Александровне Бессарабовой. К счастью для биографов учёного, она понимала масштаб лич-

⁶⁹ Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 9. С. 118, 121.

⁷⁰ Там же. С. 124.

⁷¹ См. подробнее: Тихонов В.В. Московская историческая школа в первой половине XX века. С. 246.

⁷² См.: Бычкова М.Е. Степан Борисович Веселовский – генеалог // История и генеалогия. С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 43.

ности Веселовского, поддерживала его в архивном труде и даже вела записи о работе своего мужа. Вместе они уезжали в Троице-Сергиеву лавру, она с помощью и с указаниями Веселовского переписывала целые книги. Наблюдая за работой мужа, Ольга Александровна писала в своём дневнике: «Степан Борисович набрал гору рукописных книг, книжечек и огромных книжищ в лаврском архиве рукописей и в бывшей библиотеке Духовной Академии. Очень интересно видеть, как работает Степан Борисович. Книги будто сами спешат дать ему справки и сведения. Книги с ним оживают... и общаются с ним как живые существа»⁷³.

Вместе с Веселовским в лавре работал молодой историк Л.В. Черепнин. Он вспоминал: «Рабочий день Степана Борисовича начинался с раннего утра ещё до утреннего завтрака, до тех пор, пока вскипит чайник. Работа продолжалась и во время утреннего чая. Отрываясь на минуту от материалов, он откусывал кусочек от бутерброда, отписал из стакана глоток... и продолжал читать и писать. От стола он не отрывался до обеда. Обедали мы обычно в небольшом и достаточно грязном трактирчике в Сергиевом Посаде, против ворот лавры. Небольшой отдых – что-нибудь около часа, – и Степан Борисович снова за столом. Вечерами иногда гуляли, заходили далеко, Туда, где были расположены троицкие скиты. Это чудесные места, живописные, кое-где совсем дикие. В время прогулок Степан Борисович изучал топонимику тех районов, где когда-то были расположены земельные владения Троице-Сергиева монастыря, старался приурочить к определённым пунктам названия

⁷³ Дубровский А.М. С.Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках С. 223, 225.

сёл и деревень, встречающиеся в троицких грамотах (коегде эти названия уцелели до настоящего времени)»⁷⁴.

19 мая 1934 г. Ольга Александровна конспективно записала беседу Веселовского с В.П. Волгиным. В это время резко повысился общественный интерес к истории. Три дня назад, 16 мая, было опубликовано знаменитое постановление Совета Народных комиссаров СССР и Центрального Комитета партии «О преподавании истории в школах СССР». Возрождалось и историческое образование и историческая наука. Историки переживали время больших ожиданий. Веселовский говорил: «Сейчас повыш[енный] интерес к феодализму, к его формации и т.д. при странном игнорировании, неизучении таких основных источников как летописи и монаст[ырские] акты, – при таких условиях получается пережёвывание того, что говорили буржуазные историки, и полемика с ними. До революции существов[ало] у историков представ[ление], что по IX–XV в[в]. ничего нельзя сделать, п[ото]му ч[то] источников нет, а всё, что есть, давно известно. [Революция] открыла архивные фонды монастырей. Мне удалось ознакомиться только с 4 мон[астырскими] фондами, и я убедился, что наличные материалы по этим вопросам можно увеличить по кр[айней] мере раз в 10. И остаётся не переделывать старые построения, а создавать новые»⁷⁵. Обилие открываемых источников вдохновляло на новые труды. В отличие от летописей, акты вели в глубь древнерусской жизни, обнаруживали возможности для исследования таких областей, которые не затрагивались ранее.

⁷⁴ Черепнин Л.В. Моя жизнь. Воспоминания. Комментарии. Приложения. Т.1 (сот. В.Д. Назаров). М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 90.

⁷⁵ Там же. С. 230.

КНИГА О ВОТЧИННОМ РЕЖИМЕ

На новом материале была основана его книга, посвящённая русскому «феодализму», точнее судьбе судебного иммунитета, – «К вопросу о происхождении вотчинного режима» (М., 1926). «Мне казалось очень важным и настоятельно необходимым исследовать тот строй отношений, который принято называть сеньериальным или вотчинным режимом, так как именно этот строй отношений и в Западной Европе и в русской истории образует основу, на которой развивались крепостные отношения», – писал Веселовский на первой странице своего труда⁷⁶. Речь шла о судебных и полицейских правах помещиков по отношению к их крестьянам, т.е. об иммунитете как важной, по мысли автора, предпосылке закрепощения земледельцев. «Исследование русского иммунитета едва начато, – писал Веселовский. – В настоящем опыте я постараюсь наметить и осветить основные вопросы истории иммунитета»⁷⁷. В центре его внимания был иммунитет служилых людей.

Ранее предшественникам Веселовского было известно примерно около восьми десятков жалованных грамот, благодаря поискам в монастырских собраниях Веселовский имел на руках всего вместе с известными более сотни таких источников. По некоторым вопросам грамот было в пять раз больше, чем у предшественников. Таким образом, обновлённая источниковая база работы создавала новые возможности для исследования и получения обоснованных выводов.

⁷⁶ Веселовский С.Б. О происхождении вотчинного режима. М., 1926. С. 3.

⁷⁷ Там же. С. 8.

В первую очередь Веселовский рассмотрел самый ранний, по его мнению, источник иммунитета – отношения между рабом и его хозяином, ведь «первую категорию лиц, неподсудных княжескому суду... составляли рабы»⁷⁸. Однако эти отношения не создавали правового института, пока не были связаны с землевладением, появление которого было ещё одним истоком для возникновения иммунитета. Там, где не было княжеской власти, как на территории Новгородской республики, землевладельцы (бояре), осваивавшие ту или иную землю, имели в её пределах право суда. Это право было создано самой жизнью, как писал Веселовский⁷⁹. В русских княжествах иммунитетные права возникали при пожаловании князем земли своему служилому человеку⁸⁰. Именно это явление отражали те многочисленные грамоты, которые сохранились и были в руках исследователя. Князья жаловали земли служилым людям и как вознаграждение за их службу и как форму управления (с передачей полномочий – иммунитета) частичкой своих владений. Всё средневековое общество, «а отчасти и Московское государство» Веселовский обрисовывал как совокупность таких ячеек: «Очень часто эти ячейки были небольших размеров: это какой-нибудь служилый человек с 5–6 дворами в своей боярщине, небольшая монастырская вотчина, пожертвованная монастырю благочестивым вкладчиком,.. Каждая ячейка представляла из себя самостоятельную, то более, то менее полно обособленную хозяйственную, податную и судебно-административную еди-

⁷⁸ Веселовский С.Б. О происхождении вотчинного режима. С. 9.

⁷⁹ Там же. С. 29.

⁸⁰ «Не только иммунитет, но и всё землевладение Северо-Восточной Руси складывались под сильнейшим влиянием князей» (Там же. С. 31).

ницу. Несудимость и независимость от наместников и волостелей... давали этим ячейкам необходимые для жизни и ведения хозяйства свободу и самостоятельность»⁸¹. Такое устройство общества справедливо представлялось Веселовскому важнейшей чертой. «Не видеть и не понимать её равносильно непониманию всего уклада тогдашней жизни», – подчёркивал он⁸².

Веселовский убедительно опроверг мнение о том, что несудимые (иммунитетные) грамоты предоставлялись только знатым и крупным землевладельцам. Он доказал, что такие грамоты получали служилые люди всяких чинов и разрядов. Среди них были как вотчинники, так и помещики. К середине XVI в. выдача несудимых грамот стала общим правилом. На их основе установились шаблоны отказных и ввозных грамот, которые вручались помещику при получении им земли за службу. Право служилого на вотчинный суд сокращалось (изымались дела о душегубстве, разбое, татьбе), но само право распространялось на всё большее количество лиц и в первой половине XVI в. стало общим правом. Право вотчинного суда отделилось от других элементов иммунитета, которые забирало в свои руки государство, а вотчинный суд в пределах частных владений остался правом землевладельцев.

Наиболее спорным вопросом в книге Веселовского оказался вопрос о происхождении иммунитета. Современники в рецензиях на книгу Веселовского не согласились с автором в том, что иммунитет родился благодаря княже-

⁸¹ Веселовский С.Б. О происхождении вотчинного режима. С. 83.

⁸² Там же. С. 84.

ским земельным пожалованиям⁸³. Однако эта концептуальная идея учёного позже получила своих сторонников⁸⁴.

Современник Веселовского Бахрушин, говоря о работе Веселовского, отмечал: «Блестящий образец методически скрупулёзного изучения памятников средневековья даёт работа известного и, быть может, единственного сейчас историка русского права С.Б. Веселовского "К вопросу о происхождении вотчинного режима"... Трудно дать более яркую картину феодального расчленения общества... Ценность этих наблюдений заключается в том, что Веселовский заполняет свою схему конкретным материалом, материалом свежим, до сих пор не использованным, частично даже и неизвестным»⁸⁵. Актовый материал, использованный Веселовским, вёл в глубь русской жизни, поднимая такие её пласты, которые были очень недостаточно изучены до тех пор.

21 сентября 1928 г. Веселовский записал в дневнике: «В "Вотчинном режиме" большое напряжение мысли и некоторая скованность, теснота. Необходимо было (по техническим причинам) в ограниченной по объёму работе дать очень большой материал», – вспоминал Веселовский⁸⁶. В

⁸³ Пресняков А.Е. Вотчинный режим и крестьянская крепость // Летопись занятий постоянной Историко-археологической комиссии. За 1926 г. Вып. 34. М., 1927. С. 175; Тихомиров Б.Н. К вопросу о генезисе и характере иммунитета в феодальной Руси // Историк-марксист. 1936. № 3. С. 4.

⁸⁴ См., например: Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981; Чернов С.З. Происхождение вотчин XIV-XV вв. в районе Троице-Сергиева монастыря (историческая география землевладения). Автореферат канд. дис. М., 1983.

⁸⁵ Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С. 75.

⁸⁶ Там же. С. 225.

этой книге он изменил своей традиции – давать приложение в виде публикации найденных источников. На такое приложение, видимо, не нашлось бумаги (вот она – «техническая причина»!)⁸⁷.

Как было отмечено биографами Веселовского, начиная с выхода в свет книги об иммунитете, в его творчестве «вместо налоговой политики главной темой оказалось феодальное землевладение и история класса феодалов»⁸⁸. Время показало, что этой теме он посвятил бóльшую часть своей творческой жизни.

Рамки исследования, его проблематика расширились. Актовые источники исследователь поворачивал иной стороной – а они таили в себе разнообразные возможности, Веселовский это видел. «Хочется эту новую работу (о боярстве XVI в.) построить сложной, большой и очень ясной, отчётливой конструкции», – записывал он в дневнике⁸⁹.

1929 г. стал в некоторых отношениях рубежным в жизни учёного. Он был избран в члены-корреспонденты Академии наук, причём его кандидатуру выдвинули такие выдающиеся историки как С.Ф. Платонов и М.М. Богословский⁹⁰. Это было блестящим признанием заслуг Ве-

⁸⁷ Немного позже под редакцией Веселовского и Яковлева был опубликован сборник источников «Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV–XVI вв.» (М., 1929), в котором были изданы тексты 247 указных и жалованных грамот и сведения о них.

⁸⁸ Кобрин В.Б., Аверьянов К.А. С.Б. Веселовский. Жизнь. Деятельность. Личность. С. 21.

⁸⁹ Дубровский А.М. С.Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках. С. 225.

⁹⁰ В представлении говорилось, что «имя С.Б. Веселовского... хорошо известно каждому специалисту по русской истории как имя крупного исследователя», что «ему принадлежит ряд вы-

селовского. И в этом же году Институт истории РАНИОН был передан Коммунистической академии, то есть, ликвидирован, а это означало, что учёный потерял основное место работы.

Уже после закрытия Института в главной партийной газете «Правда» появилась статья Покровского «О научно-исследовательской работе историков». В ней автор высказал удовлетворение по поводу ликвидации Института, где, по его словам, сосредоточились антимарксистские кадры. И как пример работы таких кадров была выставлена книга Веселовского о вотчинном режиме. В этой работе Покровский усмотрел «строго юридический подход», то есть глубоко не современный. «В это время совершенно игнорировать классовый анализ и экономическую обстановку – это совершенно определённый смысл. Перед человеком грома марксистских и полумарксистских работ по русской истории. До всего этого ему нет никакого дела. Как отцы и деды исследовали, так и я буду исследовать. И молодёжь учить исследовать... Совершенно специфический смысл имеет исследование проф. С.Б. Веселовского, выпущенное, так сказать, под нос сообществу историков-марксистов. Нате, мол, кушайте. Вы там об историческом материализме рассуждаете, а я буду чисто идеалистическим способом оперировать. И выпущу это не в своём частном издании, а под маркой вашего же советского института истории»⁹¹. Как говорили коллеги Веселовского, критический отзыв Покровского был рав-

дающихся работ» (цит. по: Черепнин Л.В. Степан Борисович Веселовский (Творческий путь). С. 22).

⁹¹ Покровский М.Н. О научно-исследовательской работе историков // Правда. 1921. 17 марта.

носилен выговору по службе. Кроме того, Покровский явно оправдывал своей статьёй закрытие Института, и его отзыв был брошен, так сказать, вдогонку, в спину уходящим, точнее, разогнанным.

Позже последовал ещё удар. В 1931 г. вышла в свет брошюра С.А. Пионтковского, с которым Веселовскому и другим приходилось сотрудничать в Институте истории. Выступив с докладом о буржуазной историографии в Коммунистической академии, Пионтковский решил расширить его и превратить в отдельный опубликованный труд сперва в виде статьи⁹², а потом как отдельное издание. И если в докладе Веселовский не был упомянут, то в брошюре о нём и его книге о вотчинном режиме было сказано так: «В 1926 г. проф. Веселовский выпускает книгу о происхождении вотчинного режима. В этой книге он даёт чисто догматико-юридический анализ учреждений и отношений вотчины. Для него не существует ни экономических фактов, ни связей между экономикой и юридическими формами. Для него история вотчинного суда совершенно отделена от всего другого. Но ставя так, чисто идеалистически, проблему вотчинного суда, он тем самым пытается разрешить проблему происхождения собственности. Для него вопрос о происхождении собственности сводится к действиям личности, к целесообразно устремлённым, целесообразно направленным действиям личности. Он говорит, что все жалованные грамоты имеют "личный характер", грамота и право связаны с личностью, а не с землёй, только власть давала санк-

⁹² Пионтковский С.А. Великорусская буржуазная историография последнего десятилетия // Историк-марксист. 1930. Т. 18. С. 157-176.

цию владения и т.д. и т.п. Здесь в примитивной бессознательной форме под оболочкой чисто догматико-юридической мысли разрешается вопрос о происхождении собственности и разрешается в смысле извечного существования категории отношений собственности. Методы Веселовского настолько архаичны, что даже представители буржуазной историографии испугались, и в одном из томов "Летописи занятий Археографической комиссии" проф. Пресняков вскрывает этот процесс умирания буржуазной исторической мысли, указывая, что книга Веселовского по своей методологии отстала от исторической мысли лет на 30»⁹³.

Отзыв Пионтковского, как и Покровского, являлся примером упрощённой марксистской догматики, да ещё и недобросовестной по отношению к рецензируемой книге. Отметим, что разные редакции этой работы создавались тогда, когда среди историков «старой школы» шли аресты, разворачивалось «Академическое дело» – удар по научной гуманитарной интеллигенции. Были арестованы Платонов, Любавский, Яковлев, Бахрушин... Имя Веселовского как участника встреч историков на дому то у одного, то у другого из них упоминалось в следственных делах. Критическое выступление Пионтковского могло лишней раз напомнить властям о существовании Веселовского, обратить внимание на историка, ещё остававшегося на свободе.

К счастью для Веселовского, он жил вне Москвы. После развода в 1927 г. Веселовский оставил жильё на Арбате первой жене и детям. Ему дали комнату в Москве, и эту комнату он обменял на небольшой домик в

⁹³ Пионтковский С.А. Буржуазная историография в России. М., 1931. С. 82-83.

подмосковном дачном посёлке Ново-Гиреево. Здесь он поселился с О.А. Бессарабовой, здесь же у них родилась дочь Анна. Жильё Веселовских представляло собой зимнюю дачу со скромными удобствами. Еду приходилось готовить в печке-голландке или на керосинке. В доме было три комнаты. Из них две были проходные, а одна – изолированная. Именно она и была сделана кабинетом Степана Борисовича. Это была маленькая комната, вся уставленная шкафами. Здесь прожил Веселовский 1930-е гг. до начала войны.

Отгороженность Веселовского от коллег, его сознательный отказ от всяких дискуссий с марксистами противоречили его прежним желаниям общаться со специалистами⁹⁴, его высказываниям о «дружной работе» исследователей историков, о «взаимном понимании и уважении к труду соседа»⁹⁵, о необходимости создания своего рода «научного общественного мнения» по поводу публикуемых исторических трудов⁹⁶. Измени-

⁹⁴ «Я не потерял надежду видеть Вас у себя... Дайте наговориться с Вами досыта», «Передайте, пожалуйста, поклон Михаилу Исидоровичу [Фридману] и попросите от меня написать, в какие дни он бывает в Москве и нельзя ли с ним повидаться. Мне очень бы хотелось с ним поговорить о разных делах», «Очень бы хотелось побеседовать с Вами», - писал Веселовский Дьяконову в разное время. (Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. С.74, 75, 82, 113). Примечательно то, что до революции Веселовский находился в переписке с тремя десятками историков, не говоря о личных контактах, особенно во время архивной работы и учёных заседаний.

⁹⁵ Веселовский С.Б. Ответ проф. М.М. Богословскому // Исторические известия. 1916. № 3-4. С. 175.

⁹⁶ Веселовский С.Б. Рец.: Сташевский Е.Д. Очерки по истории царствования Михаила Фёдоровича. Ч.1. Московское общест-

лось общество, изменилась наука. В этих условиях жить и работать нужно было иначе. Так он считал. Л.В. Черепнин, знавший Веселовского с 1920-х гг. вспоминал, что «он работал изо дня в день, с утра и до позднего вечера, размеренно и чётко, с небольшими интервалами для отдыха... Терпеть не мог заседательской суеты и, избегая её, сохранил для науки много часов»⁹⁷.

«Его старая привычка изучать тему по первоисточникам, оставляя в стороне историографию вопроса, привела к тому, что вне его внимания осталось многое из советской литературы, давшей новое, марксистско-ленинское, понимание исторического процесса... Веселовский не был и не стал марксистом, он остался на тех же методологических позициях, на которых стоял до Октября...», – писал Л.В. Черепнин⁹⁸. Действительно, Веселовский и не стремился стать марксистом. Это уберегло его от упрощённого теоретизирования, цитатничества, сохранило его стремление к углублённому исследованию истории строго по источникам.

во и государство от начала царствования Михаила Фёдоровича до эпохи Смоленской войны. Киев, 1913 // Журнал Министерства народного просвещения. 1913. № 10. С. 380.

⁹⁷ Черепнин Л.В. Степан Борисович Веселовский (Творческий путь). С. 39.

⁹⁸ Там же. С. 23.

1930-е гг. В ЖИЗНИ С.Б. ВЕСЕЛОВСКОГО

1930-й год был для Веселовского остро тревожным. Вокруг шли аресты. Один за другим пропадали историки. В переписке между родными о Веселовском встречается такая строчка: «Ст[епана] Бор[исовича] я вижу редко, когда заговариваю с ним – он и сам кандидат. Вид у него скверный»⁹⁹. Веселовский ожидал ареста и в этом смысле был кандидатом для попадания в тюрьму. Однако его миновала эта участь.

В это время Б.Д. Греков привлёк Веселовского к работе в Археографической комиссии. Здесь он был нужен как знаток архивов. 9 января 1930 г. Греков писал Веселовскому: «Археографическая Комиссия наметила новый том Русской Исторической Библиотеки, который должен быть посвящён истории русских промыслов, всяких производств (кожевенного, поташного, стеклянного и пр. и пр.)»¹⁰⁰. Нужно было обследовать провинциальные архивы, чтобы найти новые материалы по теме. Веселовский был готов выехать для таких поисков. 26 марта он писал Грекову: «На днях пойду в Центрархив и наведу справки относительно условий работы в Костроме, Владимире и Вологде. Если в Костроме есть музей или губархив, где можно будет работать, то я предпочёл бы поехать туда... Получил библиографич[ескую] работу, которая обеспечивает меня месяцев на 5–6. Поэтому оставляю службу в библиотеке и буду иметь много свободного времени для работы в архивах»¹⁰¹.

⁹⁹ Переписка С.Б.Веселовского и Б.Д.Грекова (май 1929- декабрь 1930 // Археографический ежегодник за 2001. М., 2002. С. 421.

¹⁰⁰ Там же. С. 428.

¹⁰¹ Там же. С. 422.

Быть может именно эта длительная поездка в провинциальные архивы и спасла Веселовского от ареста. Его отъезд продлился с июля до августа, а быть может и до сентября. Таким образом, в пору арестов московских историков Веселовский не работал в Москве и даже не был в ней, не числился ни в каком учреждении.

Теперь в Москве он бывал только наездами. Веселовский замкнулся в небольшом кругу родных и очень близких друзей и знакомых. Его работа сводилась к исследованиям по заданию Института истории Академии наук, где он трудился с 1936 г. Помимо этого, учёный периодически подрабатывал преподаванием в Московском историко-архивном институте. Семья жила бедно.

Институт истории, в котором работал Веселовский, сменил собой различные исторические организации и общества, которые действовали в СССР в 1920-х гг. Это учреждение было создано в связи с возрождением исторического образования и исторической науки. Оно централизовало работу московских и ленинградских историков и поставило их под партийно-государственный контроль. Здесь, в секторе истории России до XIX в. трудились старые знакомые Веселовского. Это был Греков, который вскоре стал директором Института, Бахрушин, Яковлев. Вернувшиеся из ссылки, которую они отбывали по Академическому делу, Яковлев и Бахрушин, а также Греков, который отделался коротким пребыванием под арестом, как и многие другие, должны были вписаться в новую для них обстановку: цитировать в своих трудах высказывания Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, критиковать «буржуазных историков», присутствовать на многочисленных собраниях, выступать на политические темы, изображая общественную активность и демонстрируя позицию советского историка – ис-

следователя и борца. Эта жизненная позиция влекла за собой расплату: творчество исследователя, подчинённое обязательным правилам истолкования хода истории, усреднялось, обезличивалось, талант сковывался. В основе поведения человека лежал страх – страх отступить от марксизма, оказаться на троцкистской, бухаринской, объективистской, буржуазной и иной ненаучной и антипартийной позиции.

Веселовский спасался от идеологических влияний архивным и домашним уединением. В Ново-Гиреево кроме родственников почти никто не приезжал. Неподалеку от дома Веселовского в марте 1938 г. снял квартиру (небольшую комнату с террасой) его давний – с дореволюционных времён – знакомый П.П. Смирнов, переехавший в Подмосковье из Средней Азии, где работал в университете, в Ташкенте. Смирнов явился в Москву просить трудоустройства в какой-нибудь университет, а Веселовский уговорил его обосноваться в Подмосковье, перейти с преподавания на научную работу. Пока Смирнов ожидал приезда жены из Ташкента и жил один. С ним Веселовский мог вести вполне откровенные разговоры. В тёплое время года они каждый вечер, беседа, гуляли вдвоём о улицах посёлка. Веселовский предложил Смирнову пользоваться своей библиотекой, пока не прибыли книги Смирнова из Ташкента. Иногда по субботам приезжал А.Н. Сперанский, занимавшийся историей России в XVII в. Он ночевал у Смирнова, и в воскресный день всей компанией трое историков устраивали пешие прогулки. Других историков в Ново-Гиреево как будто не бывало.

В 1930–1932 гг. по договору с ленинградским Институтом истории Академии наук Веселовский сдал в печать большую работу «Акты феодального землевладения XV в.». Этот труд долгое время лежал без движения, но и теперь, в

1930-е гг., он не был опубликован. В 1937 г. Веселовский сдал в печать первый том своей работы по истории феодального землевладения в Северо-Восточной Руси. И этот труд в те же годы не вышел в свет¹⁰². Это означало, что за все эти работы Веселовский не мог получить гонорара, и семья оставалась с мизерными средствами для жизни.

Порой Веселовскому приходилось выезжать в Институт истории. Однако далеко не все эти поездки приносили удовлетворение. 27 июля 1937 г. он был вынужден присутствовать на общем собрании сотрудников Института с повесткой дня «О вредителях на историческом фронте». Несколько более месяца тому назад был арестован заместитель директора Института А.Г. Иоаннисян, другой заместитель, его преемник, был исключён из партии. А директор Н.М. Лукин, как прозорливо писал в дневнике Веселовский, «ждал своей очереди». Беспорядок Института сменился полным безначалием.

«Собрание открыла предместкома (кажется, товарищ Жарова¹⁰³), – писал Веселовский, сделавший дневниковую специальную запись об этом собрании. – Историческим

¹⁰² В 1938 г. Веселовский писал в Президиум Академии наук: «Более двадцати лет я занимался собираньем и обработкой материалов по истории феодального землевладения в С[еверо]-В[осточной] Руси XIV-XVI веков. Первый том исследования (около 25 печ[атных] листов) был сдан мною в Институт и Соцэкономгиз 1 июня 1937 г. До сих пор эта работа не только не сдана в производство, но и не передана рецензенту, хотя она в своё время была включена в издательский план Института. Соцегиз, с которым был заключён договор на напечатанье этой работы, отодвигает печатанье на 1939 г. за недостатком бумаги» (дом. архив А.С. Веселовской).

¹⁰³ Неверно передана фамилия. Профсоюзного лидера Института звали Полина Наумовна Шарова.

скрипящим и сухим голосом произнесла бесконечную речь, состоящую из газетных отрывков, трафаретов и шаблонов о вредительстве на разных фронтах: на фронте сельского хозяйства, промышленности, транспорта и т.д. Речь закончилась призывом ко всем партийным и непартийным большевикам вооружиться максимальной бдительностью и стать энергичными помощниками органов НКВД по раскрытию и разоблачению вредителей с тем, чтобы превратить Институт в неприступную крепость вредителей всех мастей. Вместо эффектного конца, на который рассчитывала ораторша, получилась нелепость, которая вызвала сдержанные улыбки у одних и поспешные поправки у других. Кто-то подсказал: "неприступную для вредителей крепость". Ораторша торопливо поправилась: "неприступную крепость для вредителей всех мастей" (Опять начались смущённые поправки)¹⁰⁴. Веселовского не мог не угнетать психологически тот низкий уровень, который был присущ партийным и профсоюзным чиновникам, управлявшим наукой, и который так ярко продемонстрировала всем стилем своего выступления Шарова. Снова и снова он убеждался в том, что «большинство этих власть имеющих невежественны, бестолковы и неделовиты», как сам давно уже заметил.

Продолжая выступления о вредителях в Институте, учёный секретарь Ш.И. Типеев «начал критиковать тематику работ, указывал, что все уклоняются от работы по новейшей истории (вторая половина XIX и начало XX в.) и объяснял это тем, что об этой эпохе мы имеем высказывания Маркса и Ленина, которые позволяют разоблачать всякие уклоны. А по средней и древней истории - по мне-

¹⁰⁴ Дубровский А.М. С.Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках. С. 231.

нию Типеева – заниматься безопаснее, там мы находимся без руководящих указаний Маркса и Ленина, и в уклонах уличить трудно.

Учёный секретарь Института Типеев высказался за переквалификацию всех историков на новейшую историю. Это вызвало несколько слабых протестов со стороны присутствующих»¹⁰⁵. Нагнетавшаяся властью боязнь тайных внутренних врагов и пропаганда сверхбдительности доводила людей до маразматических заявлений.

«У меня осталось определённое впечатление полного развала Института и полной беспросветности ближайшего будущего, – замечал Веселовский. – При такой некультурности, невежественности в научных вопросах и извращённости всех понятий, глупость и головоунытие причинят больше вреда, чем самый хитрый и ловкий вредитель»¹⁰⁶.

В 1940 г. он перенёс операцию глаз, оказался на некоторое время лишён зрения и возможности работать. Это заставило его почувствовать, как он задыхается и голодает без внутренней жизни, без новых источников и новых фактов. «Для меня это было убежище от пустоты и гнусности окружающей современной жизни – и источник питания для внутренней творческой работы», – писал он в дневнике¹⁰⁷. Но поскольку целый ряд его работ не только не вышел в свет, но даже и не дошёл до подготовки к печати в издательстве, у автора оставалась лишь надежда на то, что его труд будет нужен будущим поколениям будущей России.

¹⁰⁵ Дубровский А.М. С.Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках. С. 232.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же. С. 235.

Настоящее же Веселовскому представлялось в мрачном свете. «Каждая поездка в Москву, каждый "выход в свет" напоминает мне, что мы стали чужими в земле родной. И прежде негустые ряды научных работников сильно поредели. Много дорогих и близких мне людей умерло или сошло со сцены, частью преждевременно. О них можно вспоминать с благодарностью к судьбе, что они были, что я встречал на своём жизненном пути таких людей и пользовался их симпатией и дружбой. Нельзя того же сказать о тех, котор[ые] остались в живых. За оч[ень] редкими исключениями они давно забросили всякую научную работу. Одних сломила нужда, вынужденное бездействие или катастрофы вроде ссылок, другие и раньше были подобны луне, котор[ая] сияет чужим отражённым светом. Самое тяжёлое впечатление производит печать постоянного испуга, животного трепета за свою жизнь на лицах моих бывших друзей и знакомых... Да и немудрено деформироваться духовно и научно в обстановке уплотнённых квартир, всяких житейских недостатков и нехваток, при полной... неуверенности в своё право на существование...»¹⁰⁸. Веселовский был глубоко прав. Так, например, Яковлев в 1930-е гг. после пережитого надолго ушёл в публикаторскую деятельность. «Настанет время – всё переменится. И критерии новые появятся, и периодизация иная будет... А вот исторические источники – они как были, так и будут, это да, это на века», – говорил он молодому сотруднику, объясняя ценность своей работы, а по сути оправдывая застой в своей исследовательской работе¹⁰⁹.

¹⁰⁸ Дубровский А.М. С.Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках. С. 235-236.

¹⁰⁹ См.: Тихонов В.В. Московская историческая школа в первой половине XX века. С. 265.

«Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв.»

При всей сложности житейских обстоятельств в 1936 г. Веселовский опубликовал книгу «Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв.» – итог пятилетнего труда¹¹⁰. Прошло семь лет молчания – семь лет Веселовский не выступал в научной печати. Эти годы были наполнены работой. Монастырские акты, составлявшиеся в связи с приобретением монастырём земель, содержали сведения о прежних – светских – владельцах. Таким образом, они давали возможность изучать не только монастырское, но и иное землевладение – крупных и мелких вотчинников. Это подвигало историка на новые темы. Вместе с тем можно сказать, что Веселовскому позволили говорить. Его новая книга сопровождалась предисловием, автор которого не оставил под ним своего имени. Скорее всего, это был ответственный и одновременно технический редактор книги И.И. Смирнов¹¹¹. Предваряя ознакомление чита-

¹¹⁰ Веселовский С.Б. Село и деревня Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв.: Историко-социологическое исследование о типах внегородских поселений. М. ; Л., 1936.

¹¹¹ Ранее в книге А.М. Дубровского «Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.)» (Брянск, 2005) было высказано предположение о том, что автором предисловия являлся заведующий кафедрой русского феодализма в ГАИМК С.А. Пионтковский. Однако, принимая во внимание резко отрицательный отзыв о Веселовском в цитированной выше книге Пионтковского, стиль предисловия, характер и содержание аргументации, использованной автором, мы склоняемся к тому, что автором предисловия скорее мог быть И.И. Смирнов. Это предисловие хорошо вписывается по своему содержанию и представленному в нём стилю мышления в ряд ранних работ Смирнова. См. «Список научных трудов И.И. Смирнова» // Крестьян-

теля с содержанием книги, автор предисловия высказал сомнение в верности концепции и подхода Веселовского. Он указывал на то, что Веселовский в духе дворянско-буржуазной историографии представляет в своём труде некую робинзонаду. Сущность её в представлении о том, что начальной формой землевладения в России была собственность отдельного двора-деревни, возникшей в результате захвата крестьянином свободных земель. Снова Веселовскому указывали на неверное представление о происхождении частной собственности на землю при том, что ни в 1920-х ни в 1930-х гг. никто из критиков и не подозревал того, что частная собственность на землю – результат длительного исторического развития (особенно в России) и оформление её приходится на завершающий период истории феодального общества. Новейший критик Веселовского полагал, что первоначально существовала общинная собственность на землю, как об этом писали К. Маркс и Ф. Энгельс, а не частное владение отдельного крестьянина.

Название труда Веселовского говорило как будто о том, что историк обратился к исследованию крестьянских поселений. На самом деле содержание книги было гораздо глубже и разностороннее. В центре внимания автора был всё тот же регион – Северо-Восточная Русь. Важнейшими источниками оставались акты. Развитие сельских поселений рассматривалось Веселовским в связи с воздействием на них разных факторов. Когда в октябре 1935 г. Веселовский просмотрел гранки будущей книги (и прочитал предисловие), он написал письмо секретарю ГАИМК: «Напрасно редакция переносит центр тяжести работы на частный вопрос о происхождении частной соб-

ственности. Тема моей работы – связь и соотношение типов селений с соц[иально]- экономич[еским] строем»¹¹².

В имевшихся у него памятниках письменности Веселовский увидел, что в XIV–XV вв. для Северо-Восточной Руси была характерна однодворная деревня. Количество дворов стало нарастать только со второй половины XV в. Вероятно, крестьяне приходили на поселение в то или иное место не большими коллективами, а семьями. Таковую деревню Веселовский назвал деревня-хутор. В дальнейшем, поправляя построения Веселовского, исследователи говорили о том, что первоначальной формой поселения была не деревня, а починок, выставок или займище, а деревня была уже следующей, более устойчивой формой поселения, возникшей на основе починка¹¹³. Всё же нужно отметить, что и починок и займище представляли собою однодворное поселение. Поэтому упрек в искусственной робинзонаде, брошенный Веселовскому в предисловии к его книге, был лишён какого-либо основания. Историк стоял на вполне реалистических позициях.

Открывшаяся картина рассеянных по огромным пространствам деревень в один-два двора заставила Веселовского справедливо усомниться в «исконности и универсальности земельной общины» и коллективном (общинном) землевладении. Это тоже было важное наблюдение над процессом заселения и хозяйственного освоения крестьянами Северо-Восточной Руси.

¹¹² Письмо С.Б. Веселовского секретарю ГАИМК Селиванову. Благодарим А.С. Веселовскую за возможность использования этого источника из её домашнего архива.

¹¹³ Романов Б.А. Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма (по поводу работ Н.Н. Воронина и С.Б. Веселовского) // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII вв. М. ; Л., 1960. С. 410. Дегтярёв А.Я. Русская деревня в XV–XVII вв. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980. С. 5.

Веселовский выдвинул мысль о том, что со второй половины XV в. в крупных земельных владениях боярских, монастырских и церковных эволюция селений происходила под влиянием не только естественного роста населения, но и под воздействием воли землевладельца, который укрупнял их, соединяя в «одно сельскохозяйственное целое». «Владельческое укрупнение селений за всю первую половину XVI в. идёт одновременно и на почве естественного роста населения. Позже оно становится самостоятельным явлением, и укрупнение селений становится политикой землевладельческого класса независимо от прироста населения, а иногда даже при уменьшении населения»¹¹⁴. Процесс появления новых селений и роста старых шёл очень неровно из-за внешне- и внутривнутриполитических осложнений, прежде всего войн и социальных потрясений; «процесс уничтожения деревень-хуторов, начатый владельцами в конце XV в., был завершён разореньями первых двух десятилетий XVII в.»¹¹⁵.

Даже Смирнов в предисловии к книге Веселовского был вынужден признать, что «работа представляет значительную ценность как конкретное исследование типа поселений XIV–XVI вв. в одном из важнейших и в то же время наименее изученных районов феодальной России»¹¹⁶.

Книга Веселовского ещё больше, чем труд о вотчинном режиме, вела его к истории землевладения на Руси. В ней он рассматривал сёла не по районам страны или по уездам, а именно по владениям, исследуя воздействие землевладельца на судьбу поселения.

¹¹⁴ Веселовский С.Б. Село и деревня Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. С. 131.

¹¹⁵ Там же. С. 148.

¹¹⁶ Там же. С. 9.

Исследование истории боярских родов

Параллельно с указанными выше темами Веселовский изучал историю родов служилых землевладельцев. Часть этих исследований тематически была связана с книгой «Село и деревня...». Большинство из них было посвящено мелким землевладельцам, чьи сёла отошли к Калязину монастырю. Каждый очерк был снабжён родословной таблицей, некоторые имеют карты-схемы земельных владений¹¹⁷. В наиболее законченном виде предстают реконструированные Веселовским истории боярских фамилий. Первый очерк, посвящённый роду Кобылы, был завершён 11 марта 1929 г.¹¹⁸ М.Е. Бычкова обнаружила в архивном фонде Веселовского 47 очерков по истории боярских родов, 11 из которых были подготовлены автором для печати в 1938–1940-м гг. 28 очерков к настоящему времени опубликованы¹¹⁹. Представители большинства родов играли ведущую роль в жизни Российского государства в XV–XVI вв. Биографы Веселовского отметили ещё «пять очерков по истории московского боярства в целом и огромное количество подготовительных материалов – родословные таблицы, родословные росписи, списки думных чинов, списки служилых людей по городам, указатели к писцовым книгам, вкладной книге Троице-Сергиева монастыря и другим документам». «В этих работах, – отмечали они, – учёный

¹¹⁷ Бычкова М.Е. Степан Борисович Веселовский – генеалог. С. 44.

¹¹⁸ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 161.

¹¹⁹ Бычкова М.Е. Степан Борисович Веселовский – генеалог. С. 44.

не только освещает многие сложнейшие вопросы социально-политической истории XII–XVII вв., феодального землевладения, государевой службы, местничества, но и воссоздаёт самосознание деятелей той эпохи»¹²⁰. Главное же, что питало интерес Веселовского к истории боярских родов, – это история землевладения. Поэтому, в отличие от дореволюционных специалистов по генеалогии, которые изучали историю отдельных фамилий, он вёл широкий поиск сведений о всех княжеских и боярских родах. В этом методе, в частности, состоял его вклад в развитие генеалогии.

Уже в 1930-х гг. Веселовский ввёл материалы по генеалогии в преподавание в Историко-архивном институте¹²¹. «Генеалогия очень сильно скомпрометирована родовитыми любителями которые занимались этой дисциплиной и большей частью руководствовались при этом совершенно не научной целью, а своим тщеславием и другими посторонними соображениями, – говорил учёный в лекции перед аспирантами. – ...Генеалогия может и должна быть не только наукой о родовитых людях в узком смысле слова, но вообще о родственных соотношениях лиц, которые играли в истории более или менее крупную роль. Генеалогия может вам потребоваться и при исследовании, например, вопросов по истории крестьянского населения какого-нибудь района»¹²². Говоря о собственных исследовани-

¹²⁰ Споров Д., Шокарев С. Историк Московского государства в сталинской России: к биографии С.Б. Веселовского (1876-1952) // Новое литературное обозрение. 2006. № 2. С. 135.

¹²¹ Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 206-213.

¹²² Там же. С. 206.

ях, Веселовский сообщил, что по материалам родословцев в связи с летописями и другими источниками «мне удалось составить довольно полные списки бояр, начиная с Ивана Калиты, т.е. списки этой небольшой правящей верхушки. В XIV в. это была очень небольшая группа – 12-15 человек, а в XV в. – 20-25 человек»¹²³.

В более поздней неопубликованной статье «Генеалогия» он привёл такой пример: «...Крушение удельного строя есть очень важный вопрос нашей истории. Последним историком, писавшим по этому поводу, был А.Е. Пресняков (Образование Великорусского государства. Петроград, 1918. Глава IX Крушение удельно-вотчинного строя). Пресняков внимательнейшим образом изучил летописный материал..., привлёк к исследованию актовый материал... и дал отчётливое описание политической стороны и внешних событий многолетней борьбы вел. кн. Василия Тёмного с княжатами. Экономическая сторона вопроса за полным почти отсутствием источников осталась у Преснякова неосвещённой. И социальная сторона вопроса освещена слабо.... Чтобы сделать следующий шаг в исследовании этого важного в русской истории вопроса, необходимо привлечь новые источники и применить новые методы. Генеалогия может в этом деле оказать очень большую помощь.

Указанный период обнимает около 30 лет. За это время в летописях и других источниках упоминается много десятков лиц, принимавших то или иное участие в "великой замятне", поднятой княжатами. Терпеливое выяснение всех этих лиц при помощи генеалогии приводит к очень интересным выводам. Мы видим значительную

¹²³ Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. С. 209.

группу великокняжеских бояр, которые служили предыдущим великим князьям и оставались неизменно верными Василию Тёмному. Затем мы находим группу колебавшихся..., переходивших то на сторону вел. князя, то на сторону княжат. Наконец, мы выясняем группу последовательных и неизменных сторонников княжат. Среди последних мы находим таких видных деятелей и энергичных сторонников Шемяки как бояре Фёдор и Борис Васильевичи. Генеалогия выясняет, во-первых, что это были родные братья, а затем то, что они были внуками того князя Дмитрия Ивановича Галицкого, которого вел. кн. Дмитрий Донской в 1362 г. согнал с галицкого удела и лишил княжеского звания и титула. Внуки его были некрупными простыми вотчинниками, очевидно, помнили обиды своего деда и приняли деятельное участие в борьбе княжат против внука обидчика их деда.

Поведение последовательных сторонников княжат, а частью и перелётов и шатунов, объясняется в значительной степени их землевладением, что мы можем вскрыть, конечно, только зная их генеалогию. Оказывается, что лица указанных двух категорий в большинстве случаев принимали сторону княжат потому, что по своим вотчинам в уделах служили им и были связаны, если служили великому князю, с княжатами. И в общем поражение княжат было одновременно и поражением удельного боярства и торжеством не только великокняжеской власти, но и великокняжеского старого боярства»¹²⁴.

От занятий генеалогией как бы отпочковалась работа Веселовского по ономастике, занимающейся главным

¹²⁴ Веселовский С.Б. Генеалогия. С. 39. Дом. архив А.С. Веселовской.

образом именами¹²⁵. Её историк считал «существенным элементом генеалогии».

В 1930-х гг. Веселовский опубликовал только одну работу, касающуюся генеалогии¹²⁶. Его штудии в этой области были «не ко двору». В указующей книге, которая входила в состав обязательно цитируемых трудов, говорилось: «Историческая наука, если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям "завоевателей" и "покорителей" государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов»¹²⁷. Изыскания Веселовского относились к верхушке общества, особенно к тем группам, которые определяли ход политической истории. Это не вписывалось в политико-идеологическую обстановку как 1930-х, так и более поздних лет. Заслуга Веселовского состоит в том, что в условиях советского общества, в котором генеалогия рассматривалась как исключительно дворянская дисциплина, недостойная внимания современного исследователя, он сохранил и развил исследовательскую традицию в изучении этой области.

¹²⁵ Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.

¹²⁶ Веселовский С.Б. Владимир Гусев – составитель Судебника 1497 года // Исторические записки. 1939. Т. 5. С. 31-47.

¹²⁷ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 116.

С.Б. ВЕСЕЛОВСКИЙ О ТРУДЕ ИСТОРИКА

В 1930-х гг., имея уже большой исследовательский опыт и преподавая в высших учебных заведениях Москвы, Веселовский должен был задуматься над работой историка, вводя в курс профессионального дела будущих учёных. Он и раньше порой размышлял над приёмами и возможностями познания прошлого научными методами. Из его высказываний складывается картина, представляющая его исследовательскую позицию, стиль его работы, конкретные приёмы, ценимые качества исследователя.

Неоднократно отмечалось, что Веселовский делил историков на «обобщающих историков» и «монографистов»¹²⁸. Себя он с полным основанием относил к последним – тем, кто занимается узкими темами и даёт материал тем, кто склонен к синтезу. По мысли Веселовского, монографии должны создаваться на широкой, полноценной базе источников. Главным условием монографического исследования является прозрачность: «В исторических работах важны не только окончательные выводы исследования, но и весь процесс работы, те факты и та цепь умозаключений, которые привели исследователя к выводам»¹²⁹. Поэтому историк считал необходимым вводить в текст обширные выдержки из источников и снабжать свои труды более или менее значительными приложениями – публикациями источников, что позволяло бы читателю видеть «кухню» исследования.

¹²⁸ Черепнин Л.В. Степан Борисович Веселовский (Творческий путь). С. 17; Тихонов В.В. Московская историческая школа в первой половине XX века. С. 116-117.

¹²⁹ Веселовский С.Б. Акты писцового дела. Т. I. С. IV-V.

Именно образ кухни, «порядка и чистоты стряпни» он и употребил, разъясняя свою позицию¹³⁰.

Перечисляя в одной из лекций разные варианты (причины, импульсы) обращения историка к той или иной теме при написании монографии, Веселовский определил первый из них как случайный, когда «тему человек избирает под влиянием интереса, без связи с предшествовавшими им исследованиями, и без знания свойств количества сохранившихся источников»¹³¹. Этот худший путь. Немногим лучше выбор темы из мысли о том, что вопрос не изучен. В таком случае начинающий исследователь может натолкнуться «на отсутствие или нехватку источников, на недостаточную обследованность соседних с избранной темой вопросов, наконец, на ложную постановку вопросов исследования, проистекающую не из источников, а из предвзятых посылок»¹³². Нередко выбор темы определяется интересами современности. «Такой выбор тем имеет много хороших сторон, – считал Веселовский, – он связывает современность с прошлым, повышает в обществе интерес к науке, способствует развитию исторического взгляда на правовые институты, но одновременно имеет и неблагоприятные последствия. И на этом пути исследователь может натолкнуться на недостаточность источников, на мало доступность тех из них, которые скрыты в архивах, но самый большой и досадный недостаток работ, написанных на такие темы, – это их противонаучная тенденциозность, стремление оправдать и защитить те или иные политические, общественные взгляды

¹³⁰ Веселовский С.Б. Акты писцового дела. Т. I. С. IV-V.

¹³¹ Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. С. 293.

¹³² Там же.

примерами прошлого или найти в нём оружие в борьбе со сторонниками противных взглядов»¹³³.

Самый обычный путь выбора тем – это выбор под влиянием авторитетов (научного руководителя). Его Веселовский тоже не одобрял. «Авторитеты, как все люди, подвержены ошибкам, авторитеты развенчиваются и сменяются, полемика с авторитетами, особенно если в ней больше молодого задора, чем знания и объективного искания истины, плодит малополезную или совсем бесполезную литературу вопроса. Между тем всегда легче идти по проторённым путям, чем искать и расчищать новые, и вот мы видим в исторической литературе такие явления. Вслед за крупным самостоятельным исследованием появляется ряд подражаний, дополнений и продолжений, ... Ещё хорошо, если к исследованиям привлекаются время от времени новые источники и освежают историческую мысль, но бывает, что новых источников нет совсем или их не привлекают к исследованию, и тогда вокруг злополучного вопроса образуется стоячее болото подражаний, поправок, толкований и бесплодной полемики»¹³⁴.

Черепнин отметил «старую привычку» Веселовского «изучать тему по первоисточникам, оставляя в стороне историографию вопроса»¹³⁵. Эта привычка прошла сквозной линией по всему его творчеству. Оправдывая её, Веселовский обращался к авторитету В.О. Ключевского. «Однажды я выразил В.О. сожаление, что занятия юридическими и экономическими дисциплинами не дали мне возможности хорошо ознакомиться с исторической литературой, что в этом

¹³³ Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. С. 294.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Черепнин Л.В. Степан Борисович Веселовский (Творческий путь). С. 23.

отношении у меня большие пробелы в подготовке к самостоятельной работе, – вспоминал он. – На это В.О. живо сказал: "Ваше счастье, что Вы этого не знаете. Знание так наз[ываемой] литературы вопросов даёт очень мало. А Вы обладаете бóльшим и гораздо более ценным: Вы знаете источники, любите их и умеете с ними обращаться. А литерат[урные] мнения, часто высказываемые походя, без знания источников только засоряют голову и мешают непосредственному подходу к источникам"¹³⁶.

«Самым плодотворным и с некоторыми оговорками единственно правильным» Веселовский считал «путь искания новых источников и выбора тем в зависимости от количества и содержания сохранившихся источников. Дело в том, что памятники письменности – важнейший источник всякого исторического исследования – сохранились крайне неравномерно по времени, месту и сторонам жизни, к которым они относятся. Можно ли при таких условиях не считаться при выборе тем и в направлении своих работ с состоянием источников? Ведь для некоторых тем у нас нет, по крайней мере, теперь, источников, а относительно некоторых мы можем сказать с уверенностью, что их и не будет и что нам нужно прямо сказать: "Не знаем и не будем знать". Наоборот, есть целый ряд вопросов, относительно которых сохранился совершенно достаточный материал, чтобы научное исследование стояло на твёрдой почве»¹³⁷.

Размышляя над современной ему действительностью, он поражался тому, «как мало от неё остаётся следов для историка. Не только периодическая и непериодическая свободная печать задушены но вообще есть множество условий,

¹³⁶ Домашний архив А.С. Веселовской.

¹³⁷ Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. С. 295.

вследствие которых в огромной степени задерживается образование и накопление всевозможных источников. Обыски и аресты заставляют всех быть осторожными. Кто вёл дневник, писал воспоминания и вообще накапливал материалы в связи со своей общественной, научной или другой деятельностью, бросают это дело. Писем почти не пишут, а те, которые получают, уничтожают. бесчисленное количество фактов, очень важных, не оставляет никаких следов. И это везде и во всём»¹³⁸. Историк подмечал явление, характерное для разных эпох, важное для понимания историком своих возможностей.

Как-то в 1910-х гг. молодой историк Бахрушин обратился к нему с вопросом о теме будущей диссертации. Веселовский предложил ему ознакомиться с обширным собранием документов (в несколько тысяч листов), освещающих столкновение двух воевод в сибирском городе Мангазее. Быть может, этот совет Веселовский дал, учитывая и то, что сибирские материалы не были ещё разработаны, а фонд Сибирского приказа был огромен и не столь давно описан, так что для работы были созданы прекрасные условия. Для Бахрушина началась пора плодотворной работы, которая вылилась в ряд монографий и создала ему имя в науке.

Веселовский видел труд историка-монографиста в том, чтобы «отыскивать новые источники, подвергать их необходимой предварительной критике и обрабатывать, терпеливо устанавливая факты и точно описывать событие с тем, чтобы понять и уяснить читателю большие и сложные события эпохи»¹³⁹.

¹³⁸ Веселовский С.Б. Дневники... // Вопросы истории. 2000. № 8. С. 104, 105.

¹³⁹ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 34.

По воспоминаниям Черепнина, «Веселовский не любил делать выписки из документов и копировал их полностью, ибо он считал, что историк никогда заранее не знает, как, для каких целей он и использует в дальнейшем источник. Кроме того, он полагал, что источник лучше усваивается, если его не просто прочитать и проконспектировать, а с начала до конца переписать. А бывало, что он переписывал документы и по нескольку раз»¹⁴⁰.

Кроме более или менее солидного запаса источников для предстоящего исследования Веселовский подчёркивал значение такого подхода к теме, как предварительное изучение эпохи, её сторон, важных для уяснения изучаемых явлений: «...Любой исторический вопрос требует от исследователя знания соседних с избранным им вопросом вопросов, того фона, если выразиться образно, на котором происходят изучаемые им явления. Так, для исследователя истории торговли совершенно необходимо знать историю таможенного и промыслового обложения, торговые пути, характер и свойства производства, некоторые стороны домашнего быта, поскольку они создавали спрос на те или иные предметы торгового оборота. Бесспорно, что, чем шире и глубже познания исследователя, тем легче ему работать, незнание же всей обстановки приводит к грубым ошибкам и потере времени»¹⁴¹.

Анализируя труд В.К. Клейна, посвящённого следственному делу о смерти царевича Дмитрия, Веселовский обратил внимание на ошибочность предположения Клейна о том, что исполнение приговора по этому делу было возложено «на какое-либо учреждение вроде Разбойного или Земского

¹⁴⁰ Черепнин Л.В. Степан Борисович Веселовский (Творческий путь). С. 40.

¹⁴¹ Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. С. 296.

приказа». Автора подвела как раз неосведомлённость в «соседних с избранным им вопросам, том фоне, на котором происходили изучаемые им явления». «Земский приказ был приказом только города Москвы и за пределами её не ведал никого и ничего, – отметил Веселовский. – Разбойному приказу также не было основания вмешиваться во все перечисленные дела, так как ни одно из них не подходит под категорию разбойных и татинных дел, бывших предметом специального ведомства этого приказа. Я нахожу возможным высказать другое предположение. Посад Углича весь XVII век был ведом судом, управою и всякими доходами в Приказе Большого двorca. На основании этого можно предположить с большой вероятностью, что ко всем перечисленным выше делам... Большой дворец стоял ближе всех приказов»¹⁴².

Ещё один факт того же порядка. В дневнике Веселовский писал об авторах работ по истории Соборного уложения 1649 г. и Земском соборе: «Много домыслов и рассуждений при малом знакомстве с приказным строем и всем укладом жизни Московского государства»¹⁴³. Таким образом, этот недостаток знания «соседних вопросов» не является редкостью в работе историка.

Работа с источниками, реконструкция на их основе черт прошедшей жизни привела Веселовского к рассуждению о восприятии действительности человеком: «Говорят: "реальные", отдельные факты и противопоставляют им обобщения, философские и исторические. И факты и обобщения реальны или же не реальны, смотря по тому, что считать реальностью. В жизни мы познаём отдельные факты при по-

¹⁴² Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. С. 176-177.

¹⁴³ Веселовский С.Б. Дневники... // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 85.

мощи пяти чувств и обобщаем их силой логического разума, но разве только разум участвует в этом обобщении фактов? Нет, нет и нет. В обобщениях принимает участие и подсознательное и б[ыть] м[ожет], даже и бессознательное нашего я»¹⁴⁴.

И далее шло рассуждение уже о собственно работе историка, особенности его положения как познающего субъекта: «То же самое – в исторических научных обобщениях. Разница только в том, что исторические факты мы воспринимает не непосредственно, а через ист[орические] документы. Ист[орический] факт, вводимый нами в исследование и употребляемый для обобщений, есть результат очень сложного процесса работы мысли и наших привычных понятий, которые сами по себе образовались очень сложным путём только при участии логики, а не ею одною. Поэтому задача историка не может состоять в том, чтобы рассказать "как это было", а в том, чтобы ясно изложить **как я себе представляю, как это было**, и почему я представляю себе именно так, а не иначе»¹⁴⁵

Опыт работы над «Сошным письмом», а позже и с актовым материалом наводил Веселовского на мысли о сложности ремесла историка. Осенью 1928 г. он сделал такую запись: «Исследователь всегда подвергается опасности симплификации явлений прошлого (элементарного упрощения). Он должен одинаково избегать как и этого упрощения, так и беспомощного эклектизма. Необходимо большое напряжение исследовательской мысли при солидной подготовке и изучении фактов, чтобы дать близкое действительности и правильное представление о сложности общественной жизни, многообра-

¹⁴⁴ Веселовский С.Б. Дневники... // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 95.

¹⁴⁵ Там же.

зии фактов, их сцеплений и взаимовлияний. Особенно это важно, когда дело идёт о крупных институтах права»¹⁴⁶.

Мысль об адекватном восприятии прошлой действительности вновь возникла в той же дневниковой записи: «Историк должен делать большое напряжение, должен прилагать большое старание, труд, чтобы правильно понимать факты и явления прошлого и чтоб не слишком далеко расходиться с действительно бывшими явлениями. Очень трудно представить себе, как представлялись современникам факты и события в то время, когда они происходили. Историк всегда подвергается опасности (искушению) объяснять и оценивать те или иные явления прошлого по результатам. Очень часто историческим деятелям навязываются такие цели, которые им и не снились, которых они не имели; и приписываются им такие подвиги, ошибки, пороки и добродетели, которые им не были свойственны и удивили бы их самих»¹⁴⁷.

Естественно, что современники изучаемой эпохи многое в ней знают лучше, чем историк: «Современника можно сравнить с обитателем захолустной деревни, который хорошо знает жизнь своих ближайших соседей, значительно меньше знает жизнь окрестных селений и уже понаслышке имеет отдалённое представление о жизни большого города»¹⁴⁸.

Однако, у историка, по мысли Веселовского, есть и преимущества перед людьми прошлого: «Историка можно сравнить с пассажиром аэроплана. Он не может видеть мелочей и подробностей изучаемой местности, — но зато он на значительной высоте, — он может составить себе верное представление о большой территории и обширных контурах местности.

¹⁴⁶ Дубровский А.М. С.Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках. С. 225-226.

¹⁴⁷ Там же. С. 227.

¹⁴⁸ Там же.

Очень часто мы лучше, чем современники событий, знаем предшествовавшее событию и последствия. Почти всегда мы знаем лучше их то, что происходило за пределами их кругозора в данный момент, и нередко знаем то, чего они не могли знать: последствия поступков, деятельности»¹⁴⁹.

В зрелые годы Веселовский критически относился ко многим коллегам по историческому цеху. «В среде профессиональных учёных умные и талантливые люди так редки, как в среде колхозников и людей любой другой профессии», – писал он уже на склоне лет, формулируя годами выношенную мысль¹⁵⁰.

Из всех современных историков Веселовский особенно ценил В.О. Ключевского. По словам Ольги Александровны, как-то раз, рассказывая ей о своих генеалогических исследованиях, Веселовский «оборвал мысль, быстро взял с полки томик Ключевского о Боярской думе, прочёл мне вслух несколько страниц, потом сказал: "Если хочешь – читай дальше сама, читай самостоятельно..." Я прочла. И совершенно поразила несоответствием этой работы Ключевского с "источниками", и крупные, бросающиеся в глаза неверности его представлений о боярстве в удельном периоде.

У Степана Борисовича история каждого боярского рода и каждого боярина в Боярской думе написана по источникам – каждое его утверждение подкрепляется или основано на источниках, ссылками на источник, – откуда и о ком такие-то сведения и всё у него при чтении его работы так достоверно, безоговорочно а не приблизительно, вероятно, по-видимому, надо полагать и прочее. Я так удивилась, прочитав о Боярской думе Ключевского, что побоялась сказать

¹⁴⁹ Дубровский А.М. С.Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках. С. 227.

¹⁵⁰ Там же. С. 240.

вслух: что он не знал источников? Как же это, ведь это же Ключевский! Такой большой и умный историк, авторитет, как же это...

На моё смятение – Степан Борисович спокойно: "Да, Ключевский не знал источников (на тему о Боярской думе). Но тем более поразительна и талантлива его интуиция и верность некоторых его догадок, положений и выводов"¹⁵¹. Вероятно, в интуиции большого учёного и проявлялась, в частности, то «подсознательное и б[ыть] м[ожет], даже и бессознательное» его талантливой личности – начало, которому Веселовский придавал значение в работе историка.

Относительно другого историка – М.М. Ключкова – Веселовский писал, что «при остром и довольно правильно работающем уме у него нет размаха, нет и следов величия духа, и, кажется, нет совершенно творческого воображения. Поэтому его анализ всегда мелочен, и его работы никогда не производят сильного впечатления»¹⁵². О Л.М. Сухотине – «ему природа дала много, он хорошо образован и развит», но в этом историке Веселовский не видел силы духа, творческой воли; «он ровен и бесстрастен»¹⁵³. В близком к нему молодом историке Л.И. Львове Веселовский отмечал, что «он неспособен на длительное напряжение воли и непрерывное горение»¹⁵⁴.

Таким образом, в историке, по мнению Веселовского, для успеха его труда необходимы были некоторые личностные черты. Без них и квалифицированно проведённая работа с источниками не могла дать впечатляющего результата.

¹⁵¹ Домашний архив А.С. Веселовской.

¹⁵² Веселовский С.Б. Дневники... // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 102.

¹⁵³ Там же. С. 102, 103.

¹⁵⁴ Там же. С. 102.

Тема Ивана Грозного в трудах С.Б. Веселовского

Накануне Великой Отечественной войны Веселовский занялся было темой истории правления Ивана Грозного, точнее тем периодом, который относился к опричной политике царя. Однако война заставила прервать научные занятия. 22 июля 1941 г. вместе с женой и дочерью Веселовский уехал из Ново-Гиреево сперва в Дмитров. А 20 августа пришлось выехать с Академией наук в Казань, потом в Ташкент. Библиотеку историка с большим трудом вывезли в Москву и свалили её в пустую квартиру брата Ольги Александровны – Бориса Александровича Бессарабова. Судьба собрания книг и рукописей очень беспокоили Веселовского.

22 апреля 1942 г. он писал сыну Борису: «В Т[ашкенте] мы устроены материально неплохо, но без книг и рукописей я изнываю от скуки и сохну, как растение, вырванное из земли с корнем. Читать мне трудно и утомительно, но работаю и пишу на машинке много. Перерабатываю свою большую работу по истории феодального землевладения»¹⁵⁵. Это было одно из направлений научной работы Веселовского в пору эвакуации. Второе заключалось в исследовании политической истории России в правление Ивана Грозного, главным образом – опричнины. Третье было посвящено исследованию Подмосковья¹⁵⁶.

¹⁵⁵ С.Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках. С. 237.

¹⁵⁶ О том, что уже в годы войны существовало это третье направление, о котором ничего не говорили биографы учёного, свидетельствует письмо Веселовскому А.И. Андреева, хранящееся в домашнем архиве А.С. Веселовской. 9 марта 1943 г. Андреев писал из Москвы: «Ваша статья о Подмосковье сдана мною в

Возможно, рост внимания к политике Ивана Грозного, наблюдавшийся в советской науке уже в 1930-е гг., привлёк и внимание Веселовского к фигуре этого царя. В 1938 г. в Большой советской энциклопедии была опубликована статья Бахрушина «Московское царство», в которой особое внимание было посвящено Ивану Грозному¹⁵⁷. В 1939 г. вышла в свет книга доцента Московского университета Б. Верховеня «Россия в царствование Ивана Грозного»¹⁵⁸. В том же году были опубликованы рецензии Ю.В. Готье и И.У. Будовница на эту книгу¹⁵⁹. Все работы – книга, статья, рецензии – оценивали правление Грозного исключительно высоко. В отличие от предшествующей советской исторической литературы, именно книга Верховеня, опубликованная тиражом 100 тыс. экземпляров и намеренно расчи-

изд[ательство]; её кончают "вычитывать", и у издат[ельского] ред[акто]ра она вызывает замечания прежде всего своим объёмом, а также своим построением, - вероятно вскоре эти замечания будут представлены мне, а через меня и автору. При современных условиях печатания придётся пойти на некоторые изменения в статье, которые будут предложены изд[ательство]м; вместе с тем нет почти никаких шансов напечатать карту, без которой, однако, статья трудна для усвоения» (Домашний архив А.С. Веселовской).

¹⁵⁷ Бахрушин С.В. Московское государство // Большая советская энциклопедия. Т. 40. М., 1938.

¹⁵⁸ Верховень Б. Россия в царствование Ивана Грозного. М., 1939.

¹⁵⁹ Готье Ю.В. Плохая книга (Б. Верховень. Россия в царствование Ивана Грозного) // Книга и пролетарская революция. 1939. № 11. С. 92-95; Правда. 17.10.1939. С. 4. Оба автора высказывали критические замечания по поводу фактологических ошибок в работе Верховеня, не оспаривая его оценки деятельности Грозного.

танная на массового читателя сыграла важную роль в реабилитации царя Ивана¹⁶⁰. Авторы представляли своим читателям Грозного как создателя сильного государства, расширявшего его территорию и боровшегося с боярами, сторонниками политической раздробленности и ограничения царской власти. Его опорой было дворянство. Народ относился к царю как строгому, но справедливому правителю. Всё это означало, что под диктовку власти историки приступили к созданию культа царя Ивана¹⁶¹.

Веселовский был вне этой деятельности. Однако интерес к правлению Грозного у него был. В 1940-м году он опубликовал большую статью «Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник»¹⁶². В первом издании эта работа заняла более 120 страниц, во втором (в составе книги Веселовского «Очерки по истории опричнины». М., 1963) – 155 страниц. По сути это была небольшая монография. Опубликованная в обоих изданиях как источниковедческая, она является историческим исследованием, так как её заключительная часть «Итоги и выводы» носит чисто исторический характер, а источниковедческая часть работы играет служебную роль.

¹⁶⁰ См.: Perrie M. The Cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia. N.Y., 2001. P. 81-82.

¹⁶¹ В письме к И.В. Сталину А.С. Щербakov писал об «указаниях ЦК ВКП (б) о необходимости восстановления подлинного исторического образа Ивана IV в русской истории, искажённого дворянской и буржуазной историографией» (Мурин Ю. История – оружие борьбы // Гласность. 1991. 28.11. С. 7).

¹⁶² Веселовский С.Б. Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940. С. 245-366.

Главную часть исследования Веселовского представляет собой список казнённых царём Иваном, составленный по разным редакциям синодика и дополненный по другим источникам. Благодаря своим генеалогическим изысканиям Веселовский мог осветить социальное положение казнённого или замученного – «пофамильно расшифровать» людей, которые предельно кратко были представлены в синодике. Это повысило достоверность главного вывода о том, против кого были направлены репрессии царя. «Анализируя этот состав, мы приходим к выводу, что на одного боярина или дворянина приходилось три-четыре рядовых служилых землевладельца, а на одного представителя класса привилегированных служилых землевладельцев приходился десяток лиц из низших слоёв населения. Пора оставить старый предрассудок, будто опалы и казни царя Ивана были направлены в лице бояр и княжат против крупных феодалов и что лица из низших слоёв населения погибали только случайно, в связи с казнью крупного феодала», – делал главный вывод Веселовский¹⁶³.

Это заключение шло вразрез со всей литературой той поры. В ней господствовали представления о том, что «перемены в государственном строе Северо-Восточной Руси вызвали сопротивление той части феодалов, которая теряла от уничтожения прежней феодальной обособленности, в частности, бывших князей, потерявших свою самостоятельность и превратившихся в бояр московского великого князя. Боярство... стремилось... добиться ограничения царской власти и мечтало о сохранении привилегий, связанных с крупным землевладением. Основная цель опричнины заключалась в уничтожении посредством поли-

¹⁶³ Веселовский С.Б. С. 478.

тического террора последних остатков феодальной раздробленности»¹⁶⁴.

Видимо, Веселовский хорошо представлял себе, насколько его выводы не совпадают с тем, что писали другие историки. Проявляя осторожность, он поместил свою статью в источниковедческий сборник. Вряд ли иное издание могло принять работу такого содержания.

Далее, в том же 1940-м г. был закончен очерк о Тысячной книге и Тетради дворовой – источниках, которые давали возможность установить состав царского двора накануне учреждения опричнины¹⁶⁵. Тогда же, в 1940 г. был закончен очерк «Известия иностранцев об опричнине»¹⁶⁶. Судя по открытке от А.И. Андреева, датированной отправителем 17/19 мая 1943 г., Веселовский в ноябре 1942 г. начал «обзор мнений и суждений об эпохе Ивана Грозного»¹⁶⁷. В «Исследованиях по истории опричнины» публикаторами труда Веселовского приведена только дата окончания работы над очерком – 1944[-1945]¹⁶⁸. Основная же часть очерков была написана в годы Великой Оте-

¹⁶⁴ Бахрушин С.В. Московское государство // Большая советская энциклопедия. Т. 40. М., 1938. Стлб. 459, 460. По выражению ученика Бахрушина А.А. Зимина, у его научного руководителя «опричнина застревала в горле», но постоянно владевшие историком боязнь и осторожность после ареста, заключения, допросов и ссылки делали своё дело, приходилось, сжав зубы, писать об опричнине.

¹⁶⁵ Веселовский С.Б. Реформа 1550 г. и так называемая Тысячная книга // Очерки по истории опричнины. С. 77-91.

¹⁶⁶ Там же. С. 54-76.

¹⁶⁷ Открытка из домашнего архива А.С. Веселовской.

¹⁶⁸ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 37.

чественной войны в Ташкенте и по возвращении из эвакуации в Москве и завершена в 1945 г.

Судя по дневниковой записи от 24 июля 1943 г. О.А.Веселовской, во время пребывания в Ташкенте Веселовскому было поручено дирекцией Института истории написать рецензию на роман В.И. Костылёва «Иван Грозный»: «Ст[ефан] Бор[исович] сначала отмахивался, потом так рассердился на "вранье" в романе и в отзывах на него, что начал писать так добросовестно, как этот роман и не заслуживает. Ст[ефан] Бор[исович] увлёкся темой. Пишет больше не о романе Костылёва, а о самом Иване Грозном.

Роман Костылёва с полемикой о нём Степану Борисовичу привез Александр Игнатьевич Андреев с устными комментариями. Он очень не прочь напустить Ст[ефана] Бор[исовича] и на Костылёва и на его отзывателей и "Ст[ефан] Бор[исович] заступится за историю и за Ивана Грозного". Рассказал и о том, что, по словам К[остылё]ва, романом восхищены и Жданов и Хрущев, и что "за роман" Костылёв уже заранее получает продуктовый паёк лимитом на 500 р. — больше, чем ученые и т.д. "Ну, меня это не интересует. Ну их всех. Но об Иване Грозном — интересно. Посмотрим". Я уверена, что отзыв Ст[ефана] Бор[исовича] будет такой, что его не напечатают...»¹⁶⁹.

7 августа 1943 г. рецензия была завершена. В ней отчётливо и в более полном виде, чем в рассмотренной выше статье, видна концепция истории правления Ивана Грозного и его политической деятельности.

Веселовский отверг мысль писателя о важной роли царя Ивана в проведении реформ в 1547–1556 гг. «В начале этой эпохи Иван был юношей и проводил большую часть

¹⁶⁹ Письмо О.А.Веселовской предоставлено из домашнего архива дочерью историка — А.С. Веселовской.

времени в поездках на охоту и богомолья, а затем находился под опекой своих советников.... Мы не имеем никаких оснований приписывать реформы 1547–1556 гг. Ивану — они совершены его именем, с его одобрения, но ссылаться на них в доказательство мудрости и государственных талантов Ивана нет оснований. Ведь нам хорошо известно, что после 1560 г., когда Иван освободился от опеки непрошенных советников, и до последних лет его жизни скольконибудь значительных реформ не было»¹⁷⁰. Эти реформы Веселовский ценил очень высоко. Они не были завершены, так как «переустройство всего аппарата власти было начато и происходило в обстановке почти непрерывных войн».

Опровергая устоявшееся мнение о том, что опричнина была направлена против боярства, Веселовский указал на то, что уже в самом начале проведения опричной политики «Иван выселяет из опричных уездов многие тысячи помещиков и вотчинников, безразлично крупных и мелких, титулованных и нетитулованных, и раздаёт их земли опричникам. От этих выселений крестьянство опричных уездов пострадало не меньше, чем их господа»¹⁷¹. Историк обратил внимание на количество казнённых в годы опричнины дьяков и казначеев, приказных подьячих; «это составляет приблизительно $\frac{1}{4}$ лиц этого ранга и профессии служивших в это время». «Приходится признать, — констатировал автор рецензии, — что профессия дьяка и подьячего в это время была не менее опасным для жизни занятием, чем чин боярина или титул князя»¹⁷².

¹⁷⁰ Веселовский С.Б. Царь Иван Грозный в работах писателей и историков. Три статьи. М., 1999. С. 11.

¹⁷¹ Там же. С. 12.

¹⁷² Там же.

Очень чётко Веселовский определил итоги (историческое значение) правления Ивана. «Последние 2–3 года жизни Ивана можно рассматривать как годы крушения всей его внешней и внутренней политики.... Попытка царя Ивана "в Европу прорубить окно" окончилась после продолжительных войн, потребовавших от населения огромных жертв, неудачей.... Годы его самостоятельного государственствования — с 1560 г. и до смерти — были едва ли не самым тёмным и тяжёлым периодом во всей истории Московского государства. По бедствиям, перенесённым народом в это время, этот период не уступил лихолетью Смутного времени с его дворцовыми переворотами, самозванщиной, гражданской войной и польской интервенцией»¹⁷³. Рецензия Веселовского ценна тем, что именно в ней впервые он сформулировал важные (хотя и не все!) положения своей концепции истории правления Ивана Грозного. Быть может, эта работа повлекла за собой появление и других очерков по истории опричнины, которые создавались, видимо, в 1943–45 гг.

В 1946 г. Веселовский опубликовал статью «Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 году»¹⁷⁴. Если ранее он воздерживался от определения сущности опричнины, то теперь решил высказаться об этом в печати. Он рассмотрел категории земель, вошедших в состав опричных территорий. Нужно было решить вопрос, прав ли С.Ф.Платонов, который считал, что Иван своей земельной политикой наносил удар по землевладению потомков удельных князей. Исследование показало, что массовое пе-

¹⁷³ Веселовский С.Б. Царь Иван Грозный в работах писателей и историков. Три статьи. С. 14.

¹⁷⁴ Веселовский С.Б. Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 г. // Вопросы истории. 1946. № 1. С. 86–104.

реселение землевладельцев при организации опричнины не имело политического значения, то есть не было направлено против земельных владений княжат¹⁷⁵. Такие мотивы проявились в другом случае — переселении удельного князя Владимира Андреевича Старицкого, так как обрывало связи князя с его слугами¹⁷⁶. Выселение из ярославских земель имело персональный характер, но не антикняжеский. В связи с переселениями служилых людей Веселовский сделал важный вывод: «Устройство высленцев на новых местах затягивалось на несколько лет, в течение которых они не были в состоянии нести службу. Опричные выселения значительно подрывали военную мощь государства»¹⁷⁷. Он указал на то, что «эксцессы опричников расшатывали все представления о праве, создавали обстановку необеспеченности самых элементарных прав личности»¹⁷⁸. Веселовский отметил, что опричная политика не оставалась неизменной. Она эволюционировала, откликаясь на потребности обстановки: за семь с половиной лет своего существования опричный двор «занимался решением задач, не предусмотренных при его учреждении»¹⁷⁹.

В очерке «Первые опалы и казни», опубликованном как глава монографии «Исследования по истории опричнины» Веселовский определённо заявил о конфликте царя со своим двором как истоке опричной политики. Сперва произошло удаление от власти Сильвестра и Адашева, потом их приверженцев и родственников, причём «все жерт-

¹⁷⁵ Веселовский С.Б. Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 г. // Вопросы истории. 1946. № 1. С. 90.

¹⁷⁶ Там же. С. 91.

¹⁷⁷ Там же. С. 97.

¹⁷⁸ Там же. С. 94.

¹⁷⁹ Там же. С. 100.

вы принадлежали к рядовым дворянам и частью к городо-
вым детям боярским. Ни одного имени из боярских родов,
тем более из думных людей, в первые полтора года после
смерти Алексея Адашева мы не знаем»¹⁸⁰. С течением вре-
мени круг казнённых и опальных расширился, охватывая
все группы служилых, входивших в состав Государева дво-
ра. Под угрозой опалы или казни служилые люди бежали
за границу. «Перед учреждением опричнины побегии ста-
ли... заурядным явлением», – отметил Веселовский¹⁸¹. Царь
стал использовать поручные записи, в которых ручались
члены Государева двора за верность царю своих родствен-
ников лично и всем имуществом. «Царь пытался удалить из
старого двора неугодных ему людей, но в результате борь-
бы с [отдельными] лицами восстановил против себя стар-
ый Государев двор в целом»¹⁸². Не доверяя своему бли-
жайшему окружению – Государеву двору, – царь решил
«удалиться из старого двора и устроить новый, "особый"
или, как его позже стали называть, "опричный двор"»¹⁸³.
Совершенно отказаться от старого двора и обойтись без не-
го в управлении государством Иван не мог. Поэтому и был
создан параллельный двор.

¹⁸⁰ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С.111.

¹⁸¹ Там же. С. 122. Побегии за границу и поручные записи.

¹⁸² Там же. С. 143. Указ об опричнине. Используя генеалогиче-
ские сведения, Веселовский исследовал служебное положение со-
сланных в казанскую землю. Оказалось, что подавляющее большин-
ство сосланных принадлежали преимущественно к низшим слоям
Государева двора, что дополнительно подтверждало концептуаль-
ную идею историка о разрыве царя со всем старым двором вообще
(Там же. С. 155. Первые жертвы опричнины).

¹⁸³ Там же. С. 126. Побегии за границу и поручные записи.

Вся реконструированная и истолкованная Веселовским картина истории опричнины противоречила представлениям, которые проповедовались в литературе конца 1930-х – 1940-х гг. «Реабилитация личности и государственной деятельности Ивана IV есть новость, последнее слово и большое достижение советской исторической науки. Но верно ли это?» – ставил Веселовский вопрос перед читателем¹⁸⁴. Его очерки об опричнине, составляющие единую монографию, должны были «выбивать камень за камнем из фундаментов воздушных замков старых концепций», а вместе с тем и новосозданных.

В целом разделяя те воззрения на опричнину, которые выразил Ключевский, Веселовский видел свою задачу в том, чтобы путём углублённого изучения источников «развить, исправить в некоторых деталях и дополнить его высказывания»¹⁸⁵. На первый взгляд это скромное заявление историка представляет его всего лишь продолжателем работы Ключевского. Но за словами «развить», «исправить», «дополнить» на самом деле скрыты большая вдумчивая работа мысли, глубокий и детальный анализ источников, тонкое понимание действительности XVI в. Веселовский анализировал источники, какие Ключевский не привлекал к своему труду, использовал методы, которыми не работал Ключевский. Только имея научный багаж Веселовского и его исследовательскую проницательность, можно было выполнить такого масштаба аналитическую работу. Только прочно стоя на выработанных годами профессиональных и нравственных позициях, можно было проделать такую работу.

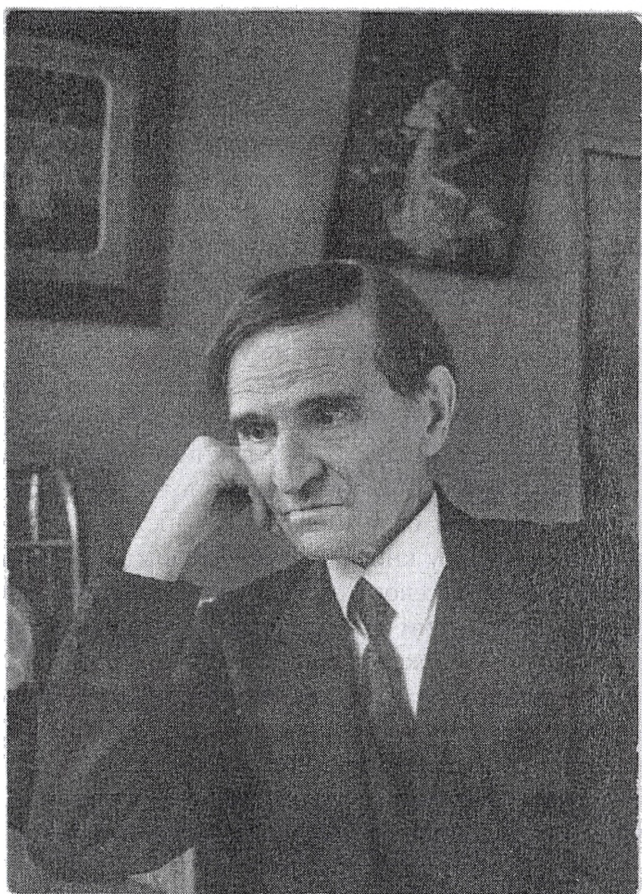
¹⁸⁴ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 36 Обзор мнений историков об опричном дворе царя Ивана.

¹⁸⁵ Там же. С. 28.

Судьба очерков об опричной политике Ивана Грозного оказалась сложной. Веселовский не решился (скорее, не смог) опубликовать все очерки при жизни. Как показало изучение архива учёного, только 3 очерка были опубликованы, а 18 были оставлены в рукописи. Публикация была невозможна, и автор это понял : пока был жив Сталин, жил и культ Ивана с его опричниками. Веселовский не объединил свои очерки в единую рукопись, таким образом, труд остался не вполне завершённым¹⁸⁶. После XX съезда коммунистической партии (1956 г.), то есть спустя четыре года после смерти историка, было положено начало развенчанию культа Сталина. Появилась возможность выхода в свет книги Веселовского. Она стала политически актуальной. Комиссия по изданию трудов Веселовского, готовя текст книги к печати, не только подобрала готовые очерки и продуманно расположила их как нечто единое, но порой «некоторые тексты подбирались из фрагментов и черновиков»¹⁸⁷. В 1963 г. книга была опубликована.

¹⁸⁶ Последняя работа Веселовского об Иване IV «Духовное завещание Ивана Грозного как исторический источник» было опубликовано в том же 1947 г., что и его книга о феодальном землевладении, подвергшаяся острейшей критике. С 1948 по 1950 г. Веселовский не опубликовал ни одного своего произведения. Видимо, не только положение в духовной жизни страны заставило историка прекратить работу над очерками об опричнине, но и ситуация, сложившаяся после выхода его книги, тем более, что в ней были части, посвящённые земельной политике правительства в годы опричнины.

¹⁸⁷ От редакции // Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 8.

С.Б. Веселовский в Москве. 1946 г.

ИСТОРИЯ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Работа над историей опричной политики при всей своей значительности и яркости всё же не может считаться итоговой в творческой жизни Веселовского. Таковой было иное его произведение. В течение длинного ряда лет в 1920-х – 1940-х гг. Веселовский работал над книгой о землевладении на Руси в XIV–XVI вв. В 1930-х гг. была готова первая редакция. Но в ту пору пробить для неё путь в печать автору не удалось. В годы войны он вернулся к тексту. «Перерабатываю свою большую работу по истории феодального землевладения», – писал Веселовский сыну Борису 22 апреля 1942 г.¹⁸⁸ В 1947 г. книга была опубликована¹⁸⁹. Как писал А.А. Зимин, она вышла «под покровительством Б.Д. Грекова», который был директором Института истории и мог повлиять на судьбу книги¹⁹⁰. В предисловии к ней наряду с высокой оценкой Веселовского как исследователя, источниковой базы его монографии и её содержания говорилось о недостатках с точки зрения марксистского понимания ряда явлений в русском средневековом обществе, экономической обусловленности освещаемых Веселовским процессов. Это введение к книге, написанное, но не подписанное Л.В. Черепнинным, должно было играть роль оправдания публикации не вполне марксистского труда с грифом Института истории Академии наук СССР¹⁹¹.

¹⁸⁸ Дубровский А.М. С.Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках. С. 238.

¹⁸⁹ Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. М.; Л., 1947.

¹⁹⁰ Зимин А.А. Несравненный Степан Борисович. С. 206.

¹⁹¹ Спустя ряд лет М.Н. Тихомиров в печати отметил, что это «предисловие явно дезориентирует читателя своей поверхностностью и теоретической беспомощностью» (Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 9), а неофициально, в дневни-

Труд Веселовского - издание в полтысячи страниц - представлял собой фундаментальное исследование группы важнейших проблем истории русского средневекового общества. Ближайшим предшественником в изучении темы в определённой степени был ученик С.Ф. Платонова С.В. Рождественский, перу которого принадлежала книга «Служилое землевладение в Московском государстве XVI века» (СПб., 1897). В отличие от Веселовского, Рождественский занимался главным образом историей поместного землевладения и ограничил своё исследование рамками шестнадцатого столетия. Как и Веселовский, он во многом базировал свою работу на актовом материале, однако более существенную роль играли источники юридические - законы, регулировавшие операции с поместьем. Рождественский также учитывал не только юридическую, но и бытовую, религиозно-психологическую, экономическую стороны изучаемого явления. В известном смысле одна работа дополняла другую.

Для Веселовского его книга представляла собой итоговый труд, на содержание которого повлияло исследование и феодального иммунитета, и сельских поселений, и генеалогии служилых людей, и опричнины. В.Д. Назаров, опираясь на высказывание самого Веселовского, указал на три элемента плана фундаментальной работы, задуманной историком на рубеже 1920-х - 1930-х гг.: первый - история служилых родов, второй - вотчинное право и история землевладения служилых, третий - возникающие на почве службы отношения между служилыми людьми и княжеской властью, с одной стороны, и населением, с другой (право отъезда, кормления и поместья как формы

ке, он выразился резче, говоря, что Черепнин «выругал... своего учителя и покровителя академика Веселовского» (Архив РАН. Ф. 693. Оп. 6. Д. 7. Л. 21. Дневниковые записи за 1956 г.).

вознаграждения)¹⁹². Первый элемент как будто был реализован в 1929–1940-м г.¹⁹³. А второй претерпел эволюцию, обогатившись историей митрополичьего землевладения, сюжетами, составлявшими историю земельной политики правительства, и пр.

Важнейшую часть источниковой базы труда составили акты, над которыми историк работал с 1920-х гг. В отличие от Рождественского, который пользовался известным актовым материалом, Веселовский привлёк большое количество вновь найденных им же актов. В первой части своей работы (большей по объёму) Веселовский осветил историю частного землевладения, а во второй – землевладения митрополичьего дома.

Вначале историк рассмотрел вотчинное право в Московской Руси. И такой историко-правовой подход был не случаен, хотя в своё время встретил непонимание рецензентов. В феодальном обществе Московской Руси ещё не получила развитие частная собственность (отечественные историки-марксисты считали, что она возникает с отмиранием первобытно-общинного строя). Владение вотчиной и операции с ней (выкуп, наследование, продажа) были связаны с рядом правовых условий – обязанностей, обременений, – что было чуждо привычной для мысли марксистов частной собственности. Правовые институты влияли на судьбу вотчинного землевладения: «институт родовых вотчин был направлен на то, чтобы сохранить вотчины в роде, а закупное держание земель (взятие земли в залог под данные деньги в долг. – Авт.) обходило права родичей и разрушало вотчинное землевладение»¹⁹⁴. По наблюдениям Веселовского, закупное держание земель получило значи-

¹⁹² Назаров В.Д. Проблемы феодального землевладения в трудах академика. С.Б. Веселовского // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинёв, 1978. С. 228.

¹⁹³ Там же. С. 215.

¹⁹⁴ Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. С. 71.

тельное распространение в XIV–XVI вв. На судьбу вотчин воздействовала и такая норма наследственного права как равный раздел вотчин между сонаследниками. Переходя по праву наследования от поколения к поколению, благодаря таким равным разделам родовые вотчины дробились. Так разлагалось феодальное землевладение. «Приблизительно ко времени великого князя Ивана III рост вотчинного землевладения остановился почти на полтора столетия», – писал Веселовский¹⁹⁵. Новые пожалования вотчинами не возмещали убыли вотчинных земель. Дробление вотчин в семейных разделах имело большое политическое значение. Из старинных вотчинных гнёзд бояр и княжат выходила «добрая службой» молодёжь, которая оказывалась малоземельной, а то и безземельной. Опираясь на этих людей, московская великокняжеская власть вела завоевательную политику, расширяла пределы своего княжества, в конечном счёте, объединяла Русь. Напомним, что в 1930-е – 1940-е гг. и даже позже, стремясь определить основу объединения русских земель, главное внимание историки уделяли росту товарно-денежных связей между отдельными территориями Руси. Веселовский выдвинул принципиально иное объяснение, которое согласуется с воззрениями поздних исследователей.

Значительное внимание Веселовский посвятил земельной политике московских великих князей и первых царей, которая, как он считал, существенно менялась с течением времени. Поскольку многие земли уже в XIV в. имели своих владельцев, то в это время и в следующем столетии московские князья жаловали своих слуг обычно не вотчиной, а кормлением и военной добычей. Не было никакого большого фонда населённых земель, который позволял бы московским правителям устраивать широкие земельные раздачи. Значительно сократилось вотчинное землевладение в опричнину, когда много земель было отдано и про-

¹⁹⁵ Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. С. 53.

дано монастырям. Этот процесс был настолько значительным, что Веселовский назвал его катастрофой. Позже, как он показал, правительство перешло к политике ограничения монастырского землевладения.

Веселовский охарактеризовал крупное вотчинное землевладение бояр и вольных слуг. На первом месте в хозяйстве большого боярина было не земледелие, а промыслы. Они давали такую добычу, которая шла на рынок. «Освоение и истребление этих богатств природы предшествовало развитию земледелия», – писал Веселовский¹⁹⁶. Историк охарактеризовал вытекающие из этого обстоятельства отношения между крестьянином и землевладельцем, а также хозяйственное освоение территории Северо-Восточной Руси.

Наряду с крупным существовало мелкое землевладение своеземцев, на что до выхода книги Веселовского историки не обратили достаточного внимания. «Невольно удивляешься, как мало следов оставило по себе это крупное явление нашего феодализма, и как незаметно после нескольких веков существования сошли со сцены своеземцы», – писал Веселовский¹⁹⁷. Своеземцы не в состоянии были нести ратную службу, а потому их владения не обладали податным и судебным иммунитетом. Потомки бояр, они измельчали, обеднели, опустили от семейных разделов. Некоторые из них были освобождёнными холопами, которых господин отпустил на волю после смерти, наделив землёй. Размеры их владений не превышали размеров крестьянских участков, в большинстве случаев они сами на себя пахали землю. Как установил Веселовский, в первой половине XVI в. правительство стало привлекать их к службе, а в 60-х гг. этого столетия неслужилое землевладение было ликвидировано; вдобавок к своим крохотным вотчинам эти люди получили поместья. Негодные к

¹⁹⁶ Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. С. 155.

¹⁹⁷ Там же. С. 215.

службе лишались своих вотчин. Веселовский отметил, что с этих пор образовалась пропасть между крестьянами, с одной стороны, и помещиками и вотчинниками, с другой.

Исследуя разные формы вотчинного землевладения, Веселовский попутно разрабатывал вопросы о судебном и податном иммунитете частновладельческих земель, о землевладении рабов, монастырских слуг, обращал внимание на разные стороны древнерусской жизни, связанные с вотчинным землевладением.

Переходя от изучения вотчины к исследованию поместья, Веселовский обратился в первую очередь к анализу кормлений – «крупному институту нашего феодализма». Как он увидел, некоторые историки смешивали кормления с поместьями. «В Северо-Восточной Руси во времена удельной раздробленности различные кормления были господствующей формой вознаграждения за службу и содержания ратных и приказных княжеских слуг. Во второй половине XV в. мы можем уже наблюдать несомненные признаки упадка и разложения кормленной системы», – писал Веселовский¹⁹⁸. Некоторое время кормления и поместья сосуществовали. Кормленщики были универсальными органами княжеской власти на местах – судьями, правителями, сборщиками налогов, военачальниками. Чтобы пропустить через кормления возможно большее число лиц, князья стали сокращать сроки кормления, назначать в крупные города по 2-3 кормленщиков. Кроме того, у кормленщиков княжеская власть постепенно изымала наиболее важные доходы. Полномочия кормленщиков сужались из-за того, что власть наделяла вотчинников и помещиков податными и судебными иммунитетами. Так разрушалась система кормлений. Одновременно зарождалась более перспективная система содержания вооружённых сил – поместная.

¹⁹⁸ Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. С. 263.

Веселовский осветил начало её формирования в новгородской земле при Иване III – «ликвидацию в Новгороде крупного, среднего и значительной части мелкого вотчинного землевладения и насаждение массы землевладельцев среднего калибра на поместном праве, обусловленном службой»¹⁹⁹. Веселовский охарактеризовал основные положения раздачи земель в поместья в Новгороде, права и обязанности помещика, отношения помещика и крестьян. Специально он разработал сюжет об испомещении под Москвой в 1550 г. тысячи «лучших слуг» и о распространении поместной системы в окраинных уездах. При этом историк смог исправить ряд неверных представлений, бытовавших в научных трудах. Таким образом, представления о ранней истории поместий получили гораздо более солидную источниковую основу и более точное содержание.

Вторая часть книги Веселовского была посвящена землевладению митрополитов, которое возникало в Северо-Восточной Руси в связи с переносом митрополии сюда из Киева. Историк создал обзор владений митрополичьего дома по уездам, начав его с Московского, так как именно в этом уезде начало складываться митрополичье землевладение. На основе этого обзора Веселовский сделал вывод о том, что основной фонд митрополичьих владений образовался в XIV в. (в период 1328–1378 гг.) – во время, когда московские князья боролись с тверскими и суздальскими князьями и привлекали на свою сторону митрополитов. В своих владениях митрополиты первоначально пользовались княжескими правами суда и дани. Их иммунитет в указанных отношениях сложился приблизительно к середине XV в. В дальнейшем судебные и податные привилегии митрополичьих владений сокращались. Веселовский представил читателю состав митрополичьего двора, который управлял вотчинами, судил подвластное население и собирал с него

¹⁹⁹ Веселовский С.Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. С. 288.

доходы, отправлял людей на ратную службу к великому князю московскому. В митрополичьих вотчинах, как открыл Веселовский, находились поместья служилых людей, причём особенно с начала XVI в. «поместья захватывают всё большую часть митрополичьих владений»²⁰⁰. Отдельная глава была посвящена способам ведения хозяйства в митрополичьих владениях, повинностям крестьян, о чём было очень мало известно до работы Веселовского. Тягло крестьян состояло из оброков и барщинных работ, причём по отношению к концу XVI в. большая часть оброков была наследием глубокой старины (например, – возрастом в 200 лет и более). Определённое значение имела отдача крестьянам денег в долг под проценты («ростовое серебро»). Подводя итоги наблюдениям над хозяйственной деятельностью митрополитов, Веселовский сделал вывод о том, что они «в смысле инициативы и предприимчивости... далеко уступали хозяйственной братии монастырей и не могут сравниться даже с приказным хозяйством князей. Для митрополитов владение землёй и хозяйство были побочными занятиями, отвлекавшими их от прямых обязанностей»²⁰¹.

Последняя крупная работа Веселовского была построена на глубоком знании истории феодальных родов, эволюции форм поселений, судьбы земельных владений. Здесь сконцентрировались результаты многолетнего исследовательского труда. В чём-то книга Веселовского родственна его «Сошному письму». Она так же, как и это фундаментальное исследование, отличалась энциклопедизмом, разворачивая перед читателем богатую и разностороннюю картину русской социальной, экономической, бытовой, отчасти политической жизни на протяжении трёх столетий. «Книга Веселовского неожиданна уже по форме изложения, – писал Зимин. – Как правило, у нас истори-

²⁰⁰ Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. С. 438.

²⁰¹ Там же. С. 455.

ки цитируют, препарируют, разбирают конкретный материал на страницах своих работ прежде чем сделать тот или иной вывод. Веселовский же его синтезирует. И сносок-то у него почти нет, и цитат-то совсем мало, а глубина исследования просто непостижимая. Что-то в лучших страницах близкое к В.О. Ключевскому»²⁰².

Вскоре после выхода в свет книги важнейшим откликом на труд Веселовского была критическая рецензия ленинградского историка И.И. Смирнова под разящим наповал названием «С позиций буржуазной историографии»²⁰³. Рецензент признал большую фактическую базу исследования²⁰⁴, но теоретико-методологические основы работы были классифицированы как буржуазные. «На всем протяжении почти 500 страниц своей книги С.Б. Веселовский не цитирует ни одной работы советских историков, не ссылается ни на одно исследование, принадлежащее представителям советской историографии», – возмутился Смирнов²⁰⁵. Он объявил Веселовского последователем «реакционной западноевропейской историографии». Автор отзыва воинственно заявлял, что марксистская теория навсегда похоронила старые концепции. Неприемлемой Смирнову показалась мысль Веселовского о происхождении частной собственности, которую тот выводил из колонизационных процессов, а не из разложения общины, как о том писали классики марксизма²⁰⁶. Вывод рецензента был, конечно же, однозначен: порочная и несоветская книга.

²⁰² Зимин А.А. Несравненный Степан Борисович. С. 206.

²⁰³ См. подробнее: Дубровский А.М. Историк и власть. С. 559-567.

²⁰⁴ Смирнов И.И. С позиций буржуазной историографии // Вопросы истории. 1948. № 10. С. 113-114.

²⁰⁵ Там же. С. 123.

²⁰⁶ Там же. С. 115.

Еще одна рецензия, написанная В.Г. Солнцевой, появилась в журнале «Советское государство и право». В целом автор солидаризовалась с выводами Смирнова. Она также подчеркивала отсутствие марксистского подхода в исследовании. Делая упор на неправильной, в советском понимании, теории Веселовского о родоплеменном происхождении государства, автор противопоставляла ее марксистской²⁰⁷.

В программной статье «Вопросов истории», которая называлась «Против объективизма в исторической науке», книге Веселовского также уделили внимание: «Свидетельством живучести буржуазных концепций является книга Веселовского «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси», в которой важнейшей вопросы истории СССР рассматриваются с реакционно-идеалистических позиций. Нельзя не отметить одного характерного обстоятельства. Автор книги открыто противопоставил марксистской методологии буржуазную методологию и столь же открыто вступил в полемику с марксистской историографией. Институт истории по существу не ответил на этот вызов и в своем предисловии к книге всячески рекомендовал ее читателю»²⁰⁸.

Причина критики книги Веселовского лежит на поверхности. Его концепция плохо вписывалась в советскую историческую науку, была в ней инородным телом, что делало работу очень удобным объектом для критики в условиях идеологических кампаний. Более того, историк отказался выполнять даже ритуальные и обязательные требования: в книге не было ни одной ссылки на работы Ленина и Сталина. Все это и привело к описанному выше итогу.

²⁰⁷ Солнцева В.Г. Рец. на кн.: Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. М. ; Л., 1947 // Советское государство и право. 1948. № 10. С. 77.

²⁰⁸ Против объективизма в исторической науке // Вопросы истории. 1948. № 12. С. 7.

Степан Борисович после критики окончательно дистанцировался от коллег по цеху, все время проводил у себя на даче. До своей смерти он успел написать несколько генеалогических и историко-географических очерков, работал над исследованиями по истории опричнины. Смерть ученого наступила 23 января 1952 г. Похороны выдающегося историка, академика, прошли без обычной для этого помпезности. 26 января пришедших проводить историка в последний путь было немного. М.Н. Тихомиров записал в своем дневнике: «... Ушел от нас ещё один крупный историк-эрудит... Имя не всем знакомое, но славное»²⁰⁹.

Жизнь и научную деятельность Веселовского нельзя назвать типичными для его времени. Признание со стороны историков пришло постепенно и непросто, а когда пришло, то революционные катаклизмы уничтожили старый мир и приобретенное положение. В отличие от абсолютного большинства коллег Веселовский не стал приспособливать свои исследования к требованиям времени, даже не пытался освоить премудрости марксизма-ленинизма-сталинизма. Уйдя во внутреннюю эмиграцию, не принимая окружавшего его социально-политического порядка, историк упрямо продолжал свои изыскания. Выводы строились исключительно на данных источников, а не исходя из гипотез и теоретических конструкций, какими бы эффектными и логичными они ни казались на первый взгляд. Все это стало причиной тому, что труды Веселовского не потеряли своего значения до сих пор. Они не превратились в историографические реликты, как многие другие труды его современников, а остаются актуальными для новых поколений исследователей. Их читают, переиздают, а фигура Веселовского пользуется неизменным интересом.

²⁰⁹ Архив РАН. Ф. 693 (М.Н. Тихомиров). Оп. 6. Ед. хр. 3. Л. 6. Дневниковые записи за 1952 г.

Библиография трудов С.Б. Веселовского и материалов о нём²¹⁰

Веселовский С.Б. Разгром Московского университета в 1919–1920 годах // Московский журнал. 1996. № 12. С. 20-25.

Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками (подгот. Л.Г. Дубинская, А.М. Дубровский) М.: Археографический центр, 1998. 527 с.

Веселовский С.Б. Царь Иван Грозный в работах писателей и историков. Три статьи. М.: АИРО–XX, 1999. 79 с.

Зимин А.А. Несравненный Степан Борисович (подгот. А.М. Дубровский) // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX вв. Брянск: БГУ, 1999. С. 199-211.

Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944 годов (подгот. А.Л. Юрганов, А.Г. Макаров) // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 89-117. № 3. С. 84-110, № 6. С. 93-111, № 8. С. 86-109, № 9. С. 114-133, № 10. С. 113-140, № 11-12. С. 59-77; 2001. № 2. С. 69-83.

Юрганов А.Л. «Всё это ушло далеко в вечность»: дневник и жизнь С.Б. Веселовского // Интеллектуальный форум. 2001. № 7. С. 85-113.

Веселовский С.Б. Подмосковье в древности. Три очерка. М.: АИРО–XX, 2002. 128 с.

²¹⁰ Библиография трудов С.Б. Веселовского и литература о С.Б. Веселовском с 1902 по 1989 г. представлены в кн.: Кобрин В.Б., Аверьянов К.А. С.Б. Веселовский. Жизнь. Деятельность. Личность. М.: Наука, 1989.

Переписка С.Б. Веселовского и Б.Д. Грекова (май 1929–декабрь 1930 г.) (подгот. Д.Б. Споров) // Археографический ежегодник за 2001 г. М., 2002. С. 420-441.

Дубровский А.М. С.Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX вв. Брянск: БГУ, 2004. С. 242-272.

Из старых тетрадей. Степан Борисович Веселовский. Страницы из дневника. 1917–1923.

Всеволод Степанович Веселовский. Встречи с И.А. Буниным в 1917 году. Итог революции и гражданской войны. М.: Ассоциация исследователей российского общества XX века, 2004. 94 с.

Веселовский С.Б. Из истории Московского государства в XVII веке. Три статьи. Азартные игры как источник дохода Московского государства в XVII веке. Кабацкая реформа 1652 года. Приказный строй Московского государства. М.: АИРО – XXI. 2005. 72 с.

Споров Д., Шокарев С. Историк Московского государства в сталинской России: к биографии С.Б. Веселовского (1876–1952) // Новое литературное обозрение. 2006. № 2. С. 125-146.

Веселовский С.Б. Московское государство: XV–XVII вв. Из научного наследия. М.: АИРО–XXI, 2008. 384 с.

Веселовский С.Б. Семейная хроника. Три поколения русской жизни. М.: АИРО–XXI, 2010. 535 с.

Дубровский А.М. Отчёт С.Б. Веселовского о командировке в Кострому в 1930 г. // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX вв. Брянск: БГУ, 2013. С. 150-157.

иногда... гадать
ше его угроза; и
судебна. Работодатель
можнаго чувства, в
глас, и чувств
дств для неуправ
зависит мадам
всего как мир
двум в речей не
приходить в воспо
онь начинаются во
обязательна мн
цонный его на
дважды глас по
его глас исполн
дней прекрасно ка